

В номере

«Нужна агрессивная вакцинация по всему миру»

Евгений Кунин и Алексей Кондрашов о возможности победы над COVID-19 – стр. 1, 3

Что мы знаем и чего не знаем

Ольга Матвеева анализирует информацию об «ЭпиВакКороне» – стр. 2–3

«Надо больше советоваться с учеными»

Интервью Ольги Орловой с президентом РАН Александром Сергеевым – стр. 4–5

«Остановить нарастающую конфронтацию...»

Открытое письмо ученых о ситуации в России – стр. 5

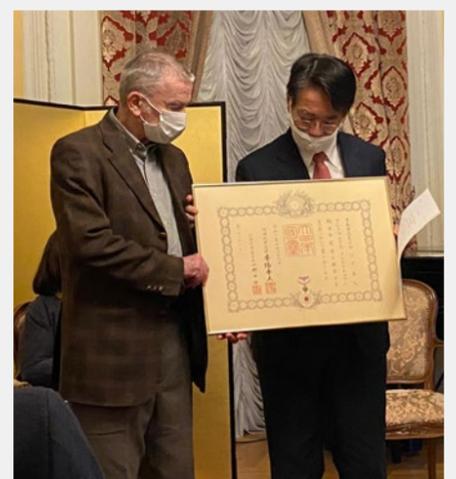

Университетский друг Сахарова

К 100-летию физика и литератора Михаила Левина – стр. 8–9

Юбилей

К 70-летию япониста Александра Мещерякова – стр. 10–11

Живой язык

Ирина Фуфаева о машинистах и машинистках – стр. 14

Образование

Леонид Перлов о том, откуда берутся учителя, – стр. 15

В жерновах судебной машины

16 февраля в Санкт-Петербурге будет рассмотрена кассация по делу Юрия Дмитриева – стр. 16

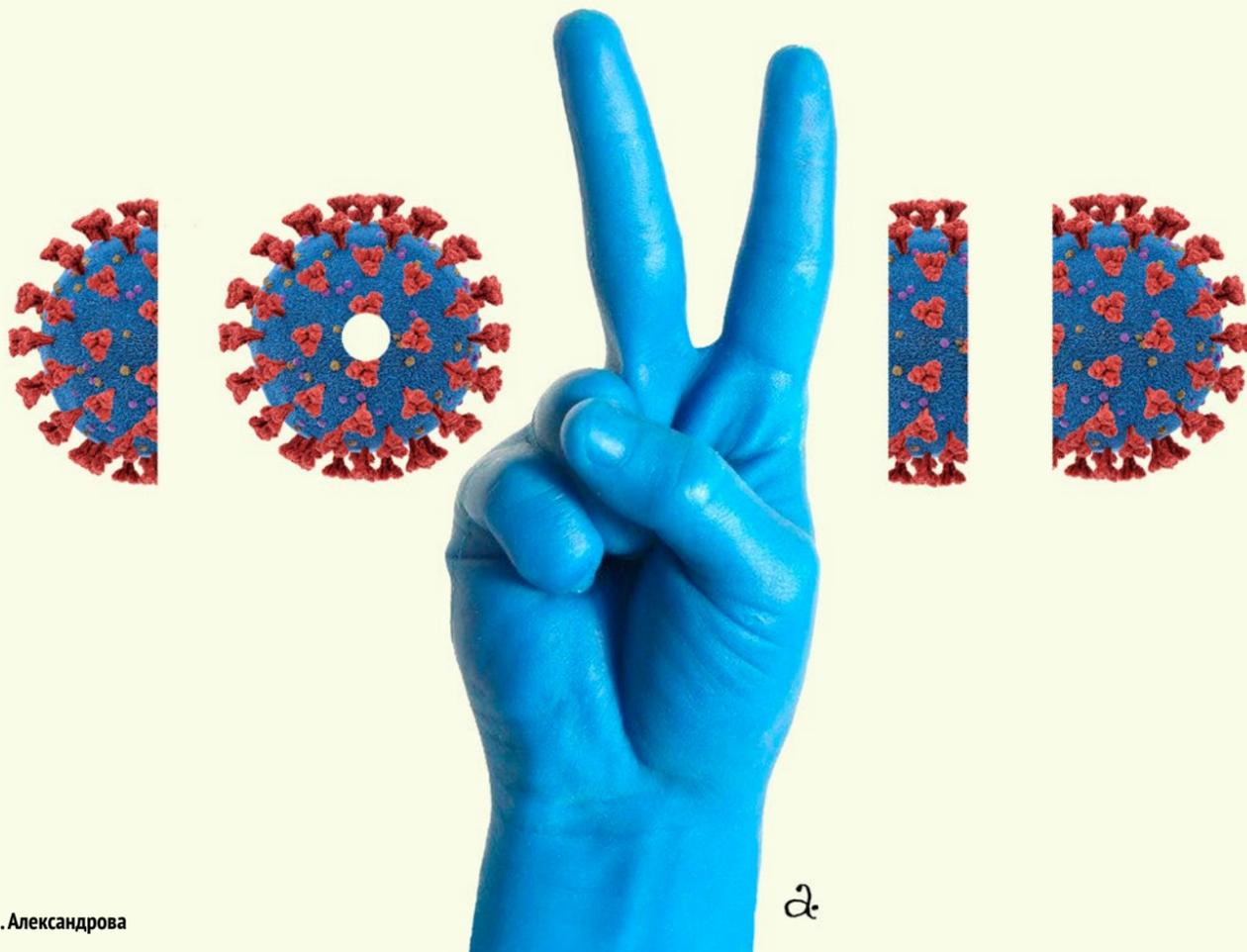

Рис. В. Александрова

ЭТОТ ВИРУС МЫ ПОБЕДИМ. Вопрос лишь в цене победы

Блиц-интервью с вед. науч. сотр. Института здравоохранения США, членом Национальной академии наук США, членом Американской академии искусств и наук, иностранным членом РАН **Евгением Куниным**. Беседовала **Наталья Демина**.

— Какие крупные продвижения по борьбе с COVID-19 вы бы отметили?

— Давайте я начну не с продвижений, а с понимания эволюции вируса. Здесь есть важный сдвиг. Появление новых высокоинфекционных вариантов ясно показывает, что вирус COVID-19 адаптируется. Дебаты по этому поводу более неуместны. Справедливости ради замечу, что мы сделали такой вывод уже какое-то время назад, вот здесь [1].

Но как-то многие в это не верили. Теперь — верят. И еще: теперь ясно, что вирус вовсе не обязательно эволюционирует в сторону снижения вирулентности. И это, конечно, было ясно раньше, ну вот хоть здесь [2]. Но опять-таки, с появлением новых вирулентных вариантов дебаты более неуместны.

Всё это, в общем, плохие новости. Вполне предсказуемые и предсказанные. Понимать это важно, в частности, и для того, чтобы осознавать важность ограничения распространения вируса (ношения масок и пр.). Снижение размера популяции вируса уменьшает вероятность возникновения новых вариантов: элементарная популяционная генетика. А продвижение по борьбе только одно — вакцины.

— Что вам самому кажется сейчас самым важным в борьбе с этим вирусом?

— Разумеется, достаточно быстрая и полная вакцинация населения.

— Увенчается ли эта гонка вооружений (эволюция вируса vs разработки науки) успехом человечества?

— Конечно, я в этом убежден. Вопрос в цене победы, во всех смыслах — и прямых потерь, и времени, и экономических последствий. А это трудно пока предсказать. Много зависит от того, появятся ли высокоинфекционные варианты, устойчивые к вакцинам.

— Как продвигаются ваши совместные исследования с Михаилом Кацнельсоном на стыке физики и биологии?

— Приятно поговорить об этом, а не о коронавирусе, прямо скажу. Наши исследования развиваются. Хотя мы опубликовали несколько статей, за которые мне совсем не стыдно, я считаю, что мы только в самом начале пути. Идеи высказаны, а главные результаты еще не получены. Но мы развиваем сразу несколько перспективных направлений. Сейчас к нам присоединился еще один физик высшего класса, Виталий Ванчурин, который в течение года будет работать в моей лаборатории (в основном виртуально, конечно). Так что я рассчитываю на серьезный прогресс к концу года. Деталей пока не буду раскрывать, скажу только, что у нас теперь уже стук не только с физикой, но и с теорией машинного обучения (именно теорией, а не практическим применением).

P. S. Против своего обыкновения и хотя меня об этом не просили, я считаю своим долгом сказать несколько слов о происходящем вокруг Алексея Навального, а также о недавнем письме ученых [3], которое я имел честь подписать. Не то чтобы у меня были какие-то сомнения в том, что я и мои коллеги и друзья

поступаем правильно, подписывая это письмо. Но если бы такие сомнения вдруг были, они бы полностью рассеялись после чтения многочисленных комментариев на разных сайтах, где это письмо появилось.

Конечно, много комментариев в поддержку, но очень много и других — «о вашингтонском обкоме» и о том, что эмигрантам на службе у этого обкома следует молчать (я суммирую в нейтральных терминах, там много любопытного). Так вот, выскажу свое четкое мнение: а нет, не следует молчать. Здесь речь не о политике, а об элементарных человеческих правах, которые нарушаются с полным бесстыдством, — это, конечно, не только о Навальном, но, еще более, о жестоком подавлении мирных демонстраций, пародии на суд и прочем. Об этом нельзя молчать, и где кто живет, ровно никакого значения не имеет. Особенно, кстати, глупо волноваться о месте проживания во время пандемии.

1. Ongoing Global and Regional Adaptive Evolution of SARS-CoV-2. Posted November 13, 2020. doi.org/10.1101/2020.10.12.336644

2. Evolution of Human Respiratory Virus Epidemics. Posted November 24, 2020. medrxiv.org/content/10.1101/2020.11.23.20237503v1

3. Открытое письмо ученых «Остановить нарастающую конфронтацию и обратиться к сотрудничеству и диалогу». 1 февраля 2020 года. trv-science.ru/2021/02/ostanovit-narastayushuyu-konfrontatsiyu-i-obratitsya-k-sotrudnichestvu-i-dialogu

Продолжение темы см. на стр. 2–3

«ЭпиВакКорона»: ЧТО МЫ ЗНАЕМ И ЧЕГО НЕ ЗНАЕМ

Ольга Матвеева, молекулярный биолог

С декабря 2020 года вне рамок клинических испытаний началась вакцинация «ЭпиВакКорона» — препаратом, разработанным предприятием ГНЦ «Вектор» [1], — а в феврале планируется массовая вакцинация [2]. Сообщается, что у препарата 100-процентная иммунологическая эффективность [3]. Что это значит? Независимым экспертам или врачам про эту вакцину известно мало. Научных публикаций нет никаких. Вместо заявленной 100-процентной эффективности мы пока что имеем большую научную непрозрачность.

Итак, по порядку: что мы все-таки знаем? Роспотребнадзор сообщает [4]: «Вакцина представляет собой химически синтезированные пептидные антигены трех фрагментов S-белка вируса SARS-CoV-2, конъюгированные с белком-носителем и адсорбированные на алюминий-содержащем адъюванте».

S-белок — это шиповидный белок, он же спайк (spike-protein; в разных текстах его называют по-разному). Пептид — это фрагмент белка. В существующем патенте [5] описано семь пептидов шиповидного белка и несколько возможных белков-носителей. В интервью для СМИ разработчики сообщают, что в качестве носителя в вакцине используется вирусный нуклеокапсидный белок, продукт экспрессии в кишечной палочке [6]. Полный список пептидов шиповидного белка, их координаты, а также названия доменов и субъединиц, в которых они находятся, приведен в таблице ниже.

Какие три пептида из списка вошли в разработку «ЭпиВакКорона», неизвестно. Как сообщает РИАН Новости, цитируя разработчиков, «вакцинные пептиды содержат прежде всего B-клеточные эпитопы, основным источником T-клеточных эпитопов служит нуклеокапсидный белок» [6].

Что это значит? Попробуем разобраться. Прежде всего стоит объяснить, что эпитоп (он же антигенная детерминанта) — это часть макромолекулы (в нашем случае — вирусного белка или белка из вакцинного материала), которая распознается иммунными клетками. То есть это как раз то, что видит иммунная система, и то, что ей помогает понять, какие «приметы» можно различить у «чужеродного агента» (вируса). Не все части макромолекулы «видны» иммунной системе — к каким-то частям макромолекул она «слепая». С этим связана трудность создания пептидных вакцин: пептиды, используемые в качестве антигенных детерминант, не должны располагаться в областях вирусного белка, невидимых иммунному надзору.

Вирус SARS-CoV-2 устроен так, что нейтрализовать его могут только антитела к шиповидному белку. Антитела к нуклеокапсидному белку этого сделать не могут: этот белок находится внутри вирусной частицы, и антитела не могут с ним взаимодействовать [7]; следовательно, он недоступен для антител в интактном вирусе. Тем не менее нуклеокапсидный белок в качестве антигена (чужеродного вещества) может помочь иммунному ответу (см. ниже). Рис. 1 схематично показывает состав вакцины «ЭпиВакКорона».

Таким образом, первостепенная задача пептидов шиповидного белка из вакцины «ЭпиВакКорона» — стимулировать выработку антител, способных опознать вирус и не дать ему заразить клетку; то есть в пептидах должны находиться видимые для иммунной системы «приметы врага» (вируса) — вирусные антигенные детерминанты. Другие разработчики вакцин решают эту проблему, используя полноразмерный шиповидный белок как антиген: в нем гораздо больше антигенных детерминант [8].

Многочисленные экспериментальные работы [9–12] показывают, что только небольшая часть пептидов из вирусного шиповидного белка видна иммунной системе человека и может вызывать образование нейтрализующих антител. Эти области белка тщательно окартированы.

В интервью СМИ разработчики сообщают, что пептиды «ЭпиВакКорона» содержат B-клеточные эпитопы [6, 13]. Однако вышеописанные работы показывают, что шесть пептидов, описанных в патенте, расположены во фрагментах шиповидного белка, которые практически невидимы для иммунной системы человека, не могут являться B-клеточными эпитопами и не могут провоцировать производство нейтрализующих антител.

Поэтому к разработчикам вакцины возникают следующие вопросы: у какого процента людей каждый конкретный пептид из вакцины «Вектора» вызывает производство не просто антител, а именно нейтрализующих антител? У какого процента волонтеров, участников первой и второй фаз испытаний, возникают нейтрализующие антитела к каждому конкретному пептиду или хотя бы к одному из набора? Все ли пептиды из трех способны провоцировать выработку нейтрализующих антител? Проводились ли такие исследования по индивидуальным пептидам у людей, а не у кроликов? Нет ли среди трех пептидов, выбранных для про-

изводства вакцины, таких, которые представляют собой балласт и не работают ни у одного человека?

Согласно данным экспериментов, описанным в патенте [5], иммуногенность каждого отдельного пептида проверялась при иммунизации кроликов конъюгатом индивидуального пептида с белком-носителем. Однако в настоящий момент уже показано, что то, что в вирусном шиповидном белке лучше видно иммунной системе кролика [14], почти не видно иммунной системе человека [9–12].

На вирусные белки в организме человека вырабатывается масса разных антител, однако лишь небольшая их часть способна нейтрализовать вирус. В то же время некоторые ненейтрализующие антитела всё же полезны в борьбе с инфекцией. Есть разные механизмы их вовлечения в процесс элиминации как вирусов, так и зараженных ими клеток из организма. Тем не менее именно способность вакцины вызывать производство нейтрализующих антител часто используется как первый (хотя и грубый) критерий оценки ее эффективности. Поэтому хотелось бы знать, каковы титры антител на шиповидный белок у добровольцев — участников клинических испытаний. Пока что эти участники жалуются на отсутствие или на очень маленький титр выявляемых антител (см. ниже).

Стоит заметить, что у вируса SARS-CoV-2, как и у многих других вирусов, есть способ защиты от антител — он заключается в использовании гликанового щита, т. е. молекул полисахаридов, присоединенных к шиповидному белку. Такое присоединение называется гликозилированием: антителам трудно подобраться к участкам белка с присоединенными полисахаридами — их просто не пускает гликановый щит. Хочется заметить, что три пептида из описанных в патенте попадают в «опасную зону» гликозилирования [15]. Так, в белке гликозилируется 165-я аминокислота, а пептид ID NO: 2 начинается со 166-й аминокислоты — это рядом! Кроме того, в шиповидном белке гликозилируется 1194-я аминокислота, которая находится прямо в середине пептидов ID NO: 6 и ID NO: 7. Иными словами, даже если пептиды ID NO: 2, ID NO: 6, ID NO: 7 и спровоцируют выработку антител, то эти антитела, скорее всего, «упрутятся» в гликановый щит, при этом они вряд ли смогут нейтрализовать вирус или причинить ему вред другим путем.

Белковые антигены коронавируса и кишечной палочки для «ЭпиВакКорона»

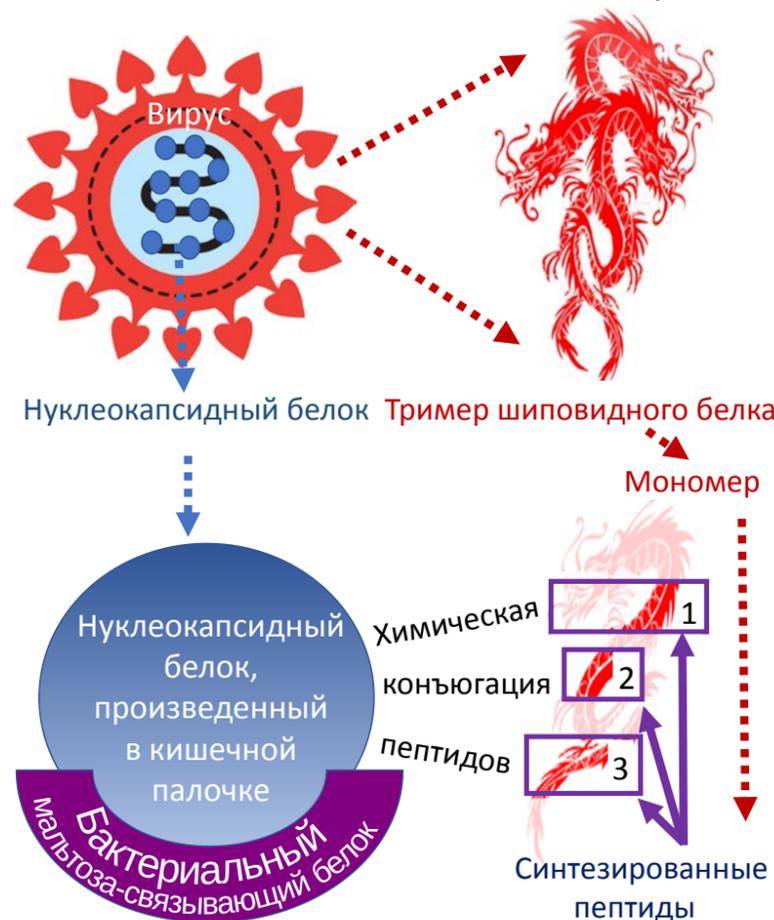

Рис. 1. Схема вирусной частицы и вирусных антигенов, которые находятся в «ЭпиВакКороне». В образе трех драконов представлен тример шиповидного белка; только этот белок торчит наружу из вирусной частицы в такой степени, что с ним могут взаимодействовать антитела, которые «цепляют» вирус. Все остальные белки находятся или внутри, полностью под липидной оболочкой вириона, или частично интегрированы в нее. Антитела на эти, другие белки все-таки образуются у переболевших ковидом, но не обладают защитными функциями

Испытания вакцины «ЭпиВакКорона» от ГНЦ «Вектор»

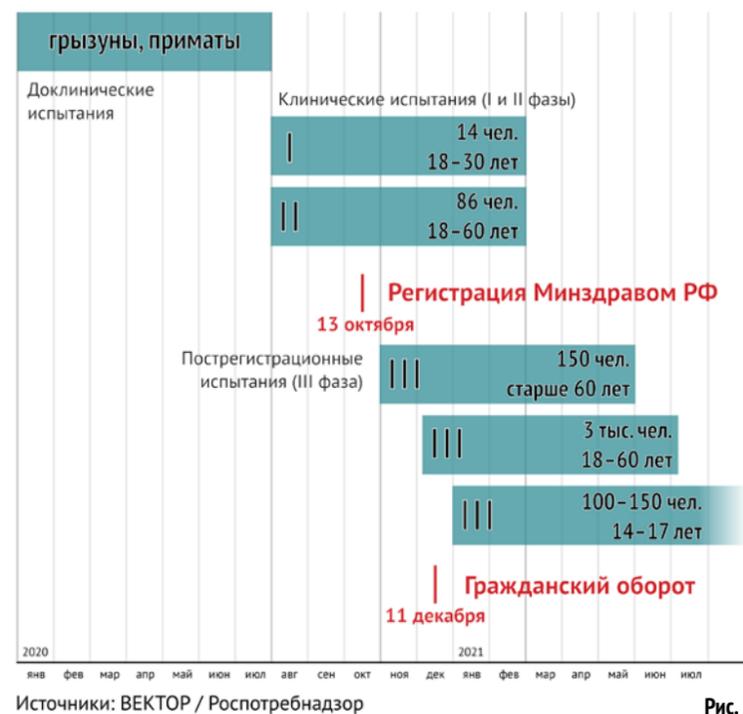

Рис. 2

Кроме пептидов шиповидного белка, в «ЭпиВакКорону» входит химера вирусного нуклеокапсидного и бактериального белка, связывающего сахар мальтозу. По замыслу разработчиков такой химерный белок должен провоцировать T-клеточный ответ. Действительно, из литературы [16] известно, что вирусный нуклеокапсидный белок способен стимулировать образование T-лимфоцитов, распознающих в нем многие эпитопы.

Разработчики заявляют: «Через 5–6 недель после вакцинации у большей части добровольцев, привитых вакциной... наблюдалась индукция выраженного специфического T-клеточного иммунного ответа, что было обнаружено при анализе клеток крови доброволь-

цев при стимуляции вирусными антигенами в экспериментах ex vivo». Будем надеяться, что разработчики не ограничатся заявлениями, а опубликуют соответствующие наблюдения.

Теперь посмотрим, что происходит с преclinical и клиническими исследованиями. Краткая схема, суммирующая информацию о сроках проведения этих исследований, показана на рис. 2.

Увы, тут можно только посочувствовать: вакцина уже введена в гражданский оборот, а публикаций нет никаких, первая и вторая фазы испытаний не закончены. В настоящее время идет третья фаза испытаний, планируется участие трех тысяч человек. При

ID	Координаты в белке	Аминокислотная последовательность	Домен	Название домена	Субъединица	
NO: 1	34-53	RGVYYPDKVFRSSVLHSTQD	NTD	N-концевой	S1	
NO: 2	166-187	CTFEYVSQPFLMDLEGKQGNFK	NTD			
NO: 3	403-428	RGDEVQRQIAPGQTGKIADYNYKLPDD	RBD	Рецептор, связывающий домен		
NO: 4	454-477	RLFRKSNLKFPERDISTEIYQAGS	RBD			
NO: 5	626-644	DQLTPTWRVYSTGNSVNFQTR	SD1			Субдомен 1
NO: 6	1189-1209	KNLNLSDLDLQELGKYEQYIK	HR2	Гепта-повтор 2		S2
NO: 7	1179-1209	KEIDRLNEVAKNLNESLIDLQELGKYEQYIK	HR2	Гепта-повтор 2		

Пептиды шиповидного белка, представленные в патенте [5]

«Нужна агрессивная вакцинация против коронавируса по всему миру»

Алексей Кондрашов, профессор Мичиганского университета (США)

— Какие крупные продвижения по борьбе с COVID-19 вы бы отметили?

— Естественно, разработанные вакцины, прежде всего мРНК-вакцины, которые никогда раньше не использовались, но могут оказаться лучше всех — в том числе и потому, что их проще перенастраивать на новые генотипы вируса. К счастью, опасения оказались напрасными и никакие принципиальные трудности на пути создания разнообразных вакцин против нового коронавируса не обнаружилось.

После некоторой задержки даже до медицинских начальников дошло, что главной проблемой будет эволюция вируса — в организме хронических больных с ослабленным иммунитетом и, вероятно, в частично вакцинированных популяциях. Правда, произнести слово «эволюция» они неспособны (как Путин неспособен произнести слово «Навальский») и говорят, что вирус «мутирует». Это глупо: никто же не скажет, что обезьяна мутировала в человека. Ну да хоть горшком назови.

— Как, на ваш взгляд, эволюционирует этот вирус?

— Вирус эволюционирует, как ему и положено, стараясь увеличить свою заразность — больше его ничто не интересует. Поскольку было бы странно, если бы свалившийся на нас из летучей мыши вирус был идеально приспособлен для распространения среди людей, неудивительно, что эта эволюция успешна. Насколько далеко она пойдет — никто не знает. Пока что заразность увеличилась (у бри-

танского варианта) раза в полтора, что плохо, но не максимально плохо.

С появлением большой доли людей с иммунитетом — естественным или в результате вакцинации — вирус, кроме того, будет эволюционировать так, чтобы созданного старыми генотипами (и вакцинами против них) иммунитета не бояться — как это делает грипп. Насколько это у него будет получаться — неизвестно, но надо ему всячески препятствовать: строго изолировать больных с хроническим течением ковида и быстро всех прививать, раз уж начали.

А вот как будет эволюционировать вирулентность вируса, неизвестно. Что он обязан стать белым и пушистым «сезонным ОРВИ» — распространенное заблуждение. Может быть и так, и так в зависимости от того, что помогает вирусу распространяться — большая вирулентность или меньшая. Поскольку больные заразны в основном на ранних стадиях болезни и значительная доля заражений происходит через бессимптомных носителей, разумно предположить, что вирус может позволить себе большую вирулентность. Какая ему разница, что больной умрет через три недели после того, как он перестал быть заразным, — главное, чтобы он побольше вируса выделял в первые дни после заражения. Коронавирусы умеют убивать: летальность MERS порядка 30%.

Худший вариант — возникновение многих вирулентных вариантов ковида без перекрестного иммунитета. К сожалению, этого исключить нельзя, и единственный способ уменьшить вероятность такого развития

событий — агрессивная вакцинация по всему миру; если понадобится, против многих штаммов. Не думаю, что человечеству понравится сосуществовать с новым эволюционирующим коронавирусом — надо всеми силами стараться его полностью искоренить. Поскольку, в отличие от гриппа, его передача к нам от дру-

Алексей Кондрашов

гих животных очень редко, эта задача не безнадежна.

— Что вам самому кажется сейчас самым важным в борьбе с этим вирусом?

— Максимальная агрессивность. Искоренять вирус надо здесь и сейчас: чем больше разнообразных его генотипов успеет возникнуть, тем труднее будет этого добиться.

Конечно, было бы замечательно создать лекарства — и сделать болезнь неопасной. Но пока что здесь никакого радикального прогресса нет, и неизвестно, когда будет.

— Увенчается ли эта гонка вооружений (эволюция вируса vs разработка науки) успехом человечества?

— Думаю, что «научно» вирус уже побежден. РНК-вакцины «Модерны»

и «Пфайзера» можно быстро перенастраивать на новые генотипы вируса, «убежавшие» из-под иммунитета к старым. И очень похоже, что коронавирус не настолько быстро эволюционирует, как вирус гриппа: и скорость мутаций меньше, и рекомбинации (почти?) нет, и нет подпитки новыми вариантами от других видов-хозяев. Так что, если всех оперативно и настойчиво прививать, вирусу конец. А вот будет ли это сделано, не знаю.

Даже в развитых странах это непросто — и из-за бардака, и потому, что молодым вирус угрожает мало, так что им прививаться — это дело социальной ответственности, а не шкурного интереса. А если привить только пожилых, то смертность резко снизится, но при этом возникнут идеальные условия для эволюции новых устойчивых генотипов вируса. А ведь есть еще Нигерия и Пакистан, каковых вполне хватит, чтобы снабжать новыми генотипами весь мир, если их бросить на произвол судьбы. ♦

этом трудно представить, как на такой небольшой выборке можно будет оценить протективность вакцины, а именно разницу в заболеваемости между теми, кто получил прививку, и теми, кто получил плацебо.

Увы, маленький размер группы добровольцев — это только одна из проблем третьей фазы испытаний «ЭпиВакКороны». Есть и другие. Добровольцы — участники испытаний объединились в группу [17] и написали коллективное открытое письмо, адресованное Минздраву, Роспотребнадзору и другим ведомствам [18]. Я цитирую: «Мы самостоятельно и за свой счет проверяем у себя уровень антител, однако все полученные результаты ниже референсного значения. «Вектор» утверждает, что определить нужные антитела можно только их тест-системой, но держит ее в тайне. В такой ситуации возникают сомнения в эффективности вакцины у многих участников исследования и у тех, кто уже успел получить вакцину в рамках гражданской вакцинации. 33% от числа документально подтвердивших свое участие в исследовании сдали такие тесты, и у всех получены отрицательные анализы на антитела (против коронавируса)».

На это письмо уже был получен ответ [19], в котором к использованию рекомендуются тест-системы для иммуноферментного выявления антител к белкам коронавируса SARS-CoV-2 [20]. В письме также говорится: «...проведение... клинических исследований в условиях получения рядом вакцинных препаратов разрешения на применение в Российской Федерации в рамках гражданского оборота создает сложную этическую и научную проблему продолже-

ния контролируемых слепых рандомизированных исследований».

С вышеизложенными утверждениями в ответе Роспотребнадзора трудно не согласиться. У «ЭпиВакКороны» на пути к тому, чтобы стать высококачественным препаратом, хорошо защищающим от вирусной инфекции и вызывающим доверие у специалистов, много серьезных препятствий и проблем, требующих нетривиальных решений. Всё же хотелось бы надеяться, что соответствующая вакцинная разработка станет прозрачнее для общественной и научной экспертизы, а разработчикам удастся в ближайшее время не только опубликовать результаты своих работ, но и найти надежный способ оценки протективной эффективности этой вакцины против COVID-19 у людей.

Благодарность

Автор выражает глубокую благодарность кандидатам биологических наук Елене Кудрявцевой и Алексею Вольфсону за внимательное прочтение текста и конструктивную критику.

1. Третьякова Е.А. В Ростовской области началась вакцинация «ЭпиВакКороной» // Официальный портал Правительства Ростовской области. 25 декабря 2020 года. donland.ru/news/11931/
2. Масштабное производство вакцины центра «Вектор» начнется с февраля // Интерфакс. 18 января 2021 года. interfax.ru/russia/7456423.
3. В Роспотребнадзоре заявили о 100%-ной иммунологической эффективности «ЭпиВакКороны» // ТАСС. 19 января 2021 года. tass.ru/obschestvo/10494433
4. ТОП-20 вопросов о вакцине ФБУН ГНЦ ВБ «Вектор» // Роспотребнадзор. 27 января

2021 года. rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=15649

5. Рыжиков А.Б. и др. Патент RU-2738081. Пептидные иммуногены и вакцинная композиция против коронавирусной инфекции COVID-19 с использованием пептидных иммуногенов. Дата регистрации: 7 декабря 2020 года. new.fips.ru/registers-doc-view/fips_servlet?DB=RUPAT&DocNumber=2738081&TypeFile=html

6. Что ждать от «ЭпиВакКороны». Все о пептидной вакцине против COVID-19 // РИА-новости. 22 января 2021 года. ria.ru/20210122/epivakkورونا-1594051697.html

7. Poland G. A et al. SARS-CoV-2 immunity: review and applications to phase 3 vaccine candidates // The Lancet. 2020. V. 396. P. 1595–1606. doi.org/10.1016/S0140-6736(20)32137-1

8. Barnes C.O. SARS-CoV-2 neutralizing antibody structures inform therapeutic strategies // Nature. 2020. V. 588. P. 682–687. nature.com/articles/s41586-020-2852-1

9. Zhigang Yi et al. Functional mapping of B-cell linear epitopes of SARS-CoV-2 in COVID-19 convalescent population // Emerging Microbes and Infections. 2020. P. 1988–1996. tandfonline.com/doi/full/10.1080/22221751.2020.1815591

10. Chek M.P. et al. Two linear epitopes on the SARS-CoV-2 spike protein that elicit neutralizing antibodies in COVID-19 patients // Nat Commun. 2020. 11. nature.com/articles/s41467-020-16638-2

11. Yang Li et al. Linear epitopes of SARS-CoV-2 spike protein elicit neutralizing antibodies in COVID-19 patients // Cell Mol. Immunol. 2020. P. 1–3. nature.com/articles/s41423-020-00523-5

12. Farrera-Soler L. Identification of immunodominant linear epitopes from SARS-

CoV-2 patient plasma // PLOS One. 2020. 15(9): e0238089. doi.org/10.1371/journal.pone.0238089

13. Пичугина Т. Что ждать от «ЭпиВакКороны» // Sputnik-news. 22 января 2021 года. sptnkne.ws/Fps7

14. Ravichandran S. et al. Antibody signature induced by SARS-CoV-2 spike protein immunogens in rabbits // Science Translational Medicine. 2020. V. 12. Iss. 550, eabc3539. stm.sciencemag.org/content/12/550/eabc3539

15. Watanabe Y. et al. Site-specific glycan analysis of the SARS-CoV-2 spike // Science. 2020. V. 369. Iss. 6501. P. 330–333. science.sciencemag.org/content/369/6501/330

16. Le Bert N. et al. SARS-CoV-2-specific T cell immunity in cases of COVID-19 and SARS, and uninfected controls // Nature. 2020. 584. P. 457–462. nature.com/articles/s41586-020-2550-z

17. Неофициальная гражданская группа по вакцинации от COVID-19 «ЭпиВакКороной» в «Телеграме». t.me/epivakkorona, epivakkorona.com/

18. Разрешение этической дилеммы плацебников «Вектора»: открытое письмо в Роспотребнадзор. 18 января 2021 года. epivakkorona.com/openletter.htm

19. Роспотребнадзор открыт к диалогу с участниками клинических испытаний вакцины «ЭпиВакКороны». 19 января 2021 года. facebook.com/rpndzr/posts/2461125257367522

20. Центр молекулярной диагностики ЦНИИ эпидемиологии открывает тестирование на поствакцинальный иммунитет // Роспотребнадзор. 19 января 2021 года. rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php?ELEMENT_ID=16572

Александр Сергеев:

«Надо больше советоваться с учеными»

2021 год был объявлен в России Годом науки и технологий. Можно ли развивать науку, не увеличивая ее финансирование, и каковы перспективы международного сотрудничества в сложной внешнеполитической обстановке? Эти вопросы в программе «Гамбургский счет» на ОТР президент Российской академии наук **Александр Сергеев** обсудил с **Ольгой Орловой**.

ром. Хотелось бы также, чтобы и ведущие средства массовой информации выделяли лучшее эфирное время и центральные полосы для того, чтобы рассказывать об ученых, о научных достижениях.

Ну и главное, чтобы этот год дал старт новым научным проектам. Да, мы осознаём все финансовые ограничения, но, тем не менее, ведь что-то в этом году должно быть сделано для науки значительное, чтобы ученые поняли, что их проекты приветствуются и запускаются. И в целом престиж науки должен вырасти у нас в стране в этом году.

— Но ведь бюджет года уже сформирован. На науку, как и в прежние годы, выделен 1% ВВП. Мы знаем, что, например, Россия — это четвертая страна в мире по расходам на военные потребности. Что касается науки, мы здесь и в десятку не входим. Тогда как же отмечать Год науки, не увеличивая бюджет на науку?

— Вы правильно отмечаете, что одна из наиболее серьезных проблем с развитием науки у нас в стране — это ее хроническое недофинансирование. 1% ВВП на научные цели — конечно, это мало. Достойный уровень — это примерно 3–4% ВВП. Напомню, что, когда в 1996 году принимался закон о науке, по которому мы до сих пор живем, там было именно 4% ВВП. Однако в 2000-х годах закон откорректировали, и эта цифра пропала. Но она была не случайной. Она была ориентиром. И вы справедливо ставите вопрос: а как же теперь быть, если бюджет нынешнего года планируется дефицитным? Откуда же брать деньги? Но я вам должен сказать, что у правительства есть много источников финансирования. Есть различные резервы. И я думаю, что деньги на науку увеличатся. Ведь с кем ни говоришь из представителей власти, у всех есть понимание, что наш век — это век соревнования не за территории, не за природные ресурсы, а за технологии. Победит тот, кто выиграет борьбу за технологии.

— Разве после того, как мир был парализован пандемией, главам государств не стало очевидным, во что надо вкладываться?

— Действительно, уроки первого года пандемии — очень серьезные и важные. Первый урок заключается в реальном вкладе, который внесла наука в контроль над ситуа-

цией с пандемией. Почему это получилось? Во-первых, у ученых был накоплен серьезный задел, который казался очень подходящим, очень адекватным борьбе с этим коронавирусом. Было разработано несколько платформ для вакцин в мире и у нас в стране. И после того как геном вируса был расшифрован, уже в феврале 2020 года, стало понятно, что да, платформы для вакцин есть, — и поэтому очень быстро нашелся ответ. Отсюда первый вывод, который мы делаем: всегда должен быть задел на будущее, потому что надо готовиться к будущим войнам, в том числе и вирусным. Мы же не знаем, какой следующий вирус нас посетит. И мы выдвинули в этом году предложение, как усилить нашу фундаментальную вирусологию, когда мы будем действительно разбираться в деталях с тем, что происходит с различными видами вирусов при их попадании в организм.

И это, конечно, вопросы создания современных центров, где есть самое новейшее оборудование, которое помогает исследовать шаг за шагом эти процессы на уровне молекулярной биологии. В России в этой области чувствуется определенное отставание, которое надо обязательно наверстать.

Второй урок пандемии — роль международного сотрудничества. Это был общий вызов для всех государств. И мы увидели, как все страны приняли решение о максимальной доступности научной информации, связанной с коронавирусом. Пошли быстрые публикации; мы наблюдали лояльное отношение к авторам. Заработали общие базы данных. Даже те страны, которые в плане фундаментальной науки сами не могли внести вклад с точки зрения генетики или молекулярной биологии, получали постоянные новые знания, которые шли из этих общих баз данных мировой науки.

Я хочу отметить, что летом 2020 года Российская академия наук и Американская академия наук заключили специальное соглашение об открытости этой информации, о том, что мы делимся ею и помогаем друг другу [1, 2]. Для нас это было очень важное, знаковое соглашение, потому что генерация знаний в современной фундаментальной науке — дело международное.

Фундаментальная наука абсолютно интернациональна, она не знает гра-

ниц, и здесь не должно быть никакой ксенофобии. Поэтому я надеюсь, что еще один важный урок, который усвоили из истории с пандемией наши policy makers, заключается в том, что участие в международном разделении научного труда — это очень важный шанс для нашей страны претендовать если не на научный успех, то хотя бы на достойное присутствие в мировой науке. А изоляция здесь приведет только к тому, что мы не угонимся ни за какими вызовами. Разве можем, имея 1% ВВП на науку, да еще и изолировавшись от мира, на равных делать фундаментальную науку? Конечно, нет.

— Александр Михайлович, давайте вернемся все-таки к Году науки и технологий. Не может ли так получиться, что он снова станет годом реформ? В конце прошлого года президент Курчатовского центра Михаил Ковальчук обратился к премьер-министру Михаилу Мишустину с предложением реформировать российскую науку по германскому образцу, разделить ее на пять кластеров, по аналогии с немецкими обществами Гельмгольца, Фраунгофера, Макса Планка [3]. Несмотря на то что этот проект противоречит нацпроекту «Наука» и программе «Приоритет 2030», Мишустин дал поручение вице-премьеру Чернышенко изучить данное предложение. Что вы думаете об этом?

— Я в принципе не сторонник каких-то таких революционных изменений. Я считаю, что даже при несовершенной системе организации науки, которая сейчас есть, существует много возможностей гибкого регулирования или настройки этой системы. У нас есть достаточное количество инстру-

ментов для того, чтобы эту систему улучшать. И мы сейчас, кстати, плодотворно работаем над этим с министром науки и высшего образования Валерием Фальковым. Нужно думать не как лучше пересечь с одного места на другое, а как сделать так, чтобы ученые сами были вовлечены в процесс принятия решений. Вот тут мы считаем, что есть определенная недоработка со стороны власти.

Ведь ученый по своему призванию, по роду своей деятельности обязан критически мыслить. Он всегда задается вопросами: почему так? что за этим кроется? почему есть такое предложение? И когда принимаются

решения, которые не обсуждены с научным сообществом, это воспринимается чрезвычайно болезненно. Надо больше советоваться с научным сообществом. Потому что других ученых у нас в стране нет. Нельзя этих ученых убрать и надеяться, что вместо них придут исследователи из других стран и будут в нашей специфической системе научно-технической политики, с небольшим финансированием творить и получать результаты лучше, чем это делают наши ученые. Вот не будет этого! Я абсолютно уверен, что никакие ученые, собранные со всего мира, не дадут в этих условиях организации и при наших ресурсах более эффективных результатов, чем дают ученые в России. Поэтому наших ученых надо ценить и с ними советоваться.

— То есть ситуации как в анекдоте — колхозы построили, привозите колхозников — не получится?

— Нет, в науке это не работает. Можно привезти турецких строителей — они построят здания, стадионы и другие объекты. Можно пригласить гастарбайтеров из ближнего зарубежья, и они нам помогут собрать урожай. Но ученые наши точно незаменимы. И вот на этом фоне, возвращаясь к предложению Михаила Валентиновича Ковальчука, очередной проект реформ, на мой взгляд, выглядит несвоевременным.

— Александр Михайлович, это тот редкий случай, когда позиция Министра науки, позиция руководства Академии наук и голос независимого научного сообщества дают абсолютную общую негативную оценку. Не так много существует вопросов в науке,

по которым мы наблюдаем полную солидарность. Но ведь эта программа Михаила Ковальчука родилась давно, он высказывал эти идеи еще в 2013 году. Возникает вопрос: а почему сейчас, когда в стране нет денег, вновь воскресла эта инициатива?

— Мне трудно с определенностью ответить. Может быть, потому, что у нас сейчас вертикаль управления наукой в правительстве меняется?.. У нас новый премьер; новый вице-премьер, который сейчас курирует науку. Всегда, когда приходят новые люди, ты хочешь какие-то свои предложения продвинуть, убедить, что так и нужно.

— Вы хотите сказать, что если бы это предложение попало на стол к тем людям, которые вывозили на себе реформу РАН с 2013 года, — Дмитрию Медведеву, Ольге Голодец, Михаилу Котюкову, то они бы хором, как в анекдоте, сказали: «Даже не думай!»? А поскольку пришли люди, не погруженные в научные проблемы, то им можно продать старую идею как новую?

— Ну, насчет того, что эти люди не погружены в научные проблемы, — это не совсем так. Мы недавно

встречались с Дмитрием Николаевичем Чернышенко, который вскоре после назначения его куратором науки приехал в РАН. У нас был очень серьезный разговор с ним о проблемах нашей науки, о проблемах Академии. И мне кажется очень важным появление профильного вице-преьера, который отвечает не отдельно за науку, а за всё выстраивание системы превращения знаний в технологии. Потому что раньше

процесс генерации знаний курировался одним вице-премьером, а внедрение и превращение в технологии — другими... В результате этот процесс в определенном смысле оказывался без надведомственного присутствия и координации. Очень хорошо, если действительно у нас сейчас появится возможность иметь надведомственный вице-преьера и надведомственный орган для координации науки и технологий.

— 2021 год — это не только Год науки и технологий, но это и год столетия со дня рождения Андрея Дмитриевича Сахарова. Вы возглавляете организационный комитет этого торжества. Как Российская академия наук будет отмечать эту дату?

— Да, оргкомитет создан по указу президента РФ, и у нас составлен план действий, направленных на самые разные аудитории и задачи. Ведь личность Андрея Дмитриевича многогранна. Это и ученый, и мыслитель, и правозащитник. Что касается ученых, то в этой среде научная деятельность Андрея Дмитриевича воспринимается очень позитивно. Он участвовал в создании нашего ядерного щита, его трудами обеспечено 75 лет мирной жизни в нашей стране. И мы очень высоко чтим его научный вклад. Поэтому пройдет масса мероприятий и конференций, связанных с его научным наследием. Скажем, в Сарове, где Сахаров работал (в Федеральном ядерном центре), запланирована большая программа торжеств, в том числе и открытие памятника Андрею Дмитриевичу.

Разумеется, события пройдут не только в Москве и Сарове, но

Почетный профессор и его бесчестие

и в Нижнем Новгороде (Горьком), где Андрей Дмитриевич находился в ссылке, и в Ульяновске, где Сахаров проработал три года после окончания МГУ, на заводе, выпускавшем патроны; именно в Ульяновске он сделал свое первое изобретение, помогающее диагностировать качество патрона.

— Можно подробнее на Нижнем Новгороде остановиться, вам же это ближе?

— Конечно, я в те годы, когда Андрей Дмитриевич жил в ссылке в Нижнем, работал в Институте прикладной физики. И я помню эту совершенно драматическую ситуацию. Все знают, что Сахаров здесь, рядом. Тут же в городе находится мощный физический институт, в котором коллеги были бы счастливы с ним сотрудничать. Но Андрей Дмитриевич так и не смог побывать в нашем институте, кроме того единственного раза, когда состоялся его знаменитый телефонный разговор с Михаилом Сергеевичем Горбачёвым. Понимаете, насколько тяжела для ведущих ученых нашего института и директора Андрея Викторовича Гапонова-Грехова была эта ситуация? И я прекрасно помню его переживания. Потому что, действительно, Сахаров — ближайший коллега, физик. Но контакт строжайше запрещен.

Правда, был интересный эпизод. Дело в том, что Андрею Дмитриевичу разрешалось посещать Нижегородскую филармонию. Иногда даже те музыканты, которые приезжали на гастроли в Нижний, посвящали свои выступления А.Д., который был в этом зале. И вот с 1992 года в Нижнем Новгороде проводится великолепный фестиваль «Русское искусство и мир», посвященный Сахарову. В этом году пройдет очередной фестиваль, который начнется как раз в день рождения Андрея Дмитриевича.

— Александр Михайлович, а скажите, если бы вдруг представилась чудесная возможность сегодня говорить с Сахаровым, о чем бы вы его спросили?

— Я бы поговорил с ним о международной политической обстановке, которая сейчас складывается в мире, — весьма похожей, а может быть, даже и более драматичной, чем та ситуация, которая сложилась в его время, когда страны стали обладателями ядерного оружия. Тогда он одним из первых понял и не побоялся заявить о том, что главное в ядерных вооружениях — это не их совершенствование, а их сдерживание. Это был важнейший переломный момент его эволюции из ипостаси ученого в ипостась мыслителя. Поэтому очень интересно было бы обсудить с ним, как он видит современную ситуацию и что можно сделать сейчас, чтобы ее изменить.

Видеозапись передачи см. на [youtube.com/watch?v=ApGFQyqtBiE](https://www.youtube.com/watch?v=ApGFQyqtBiE)

1. **Протокол о сотрудничестве на русском языке:** nationalacademies.org/event/07-30-2020/docs/DB4AC6DEE7275A5AC74FA6348BA505FF24813C98A5B3; на англ. языке: nationalacademies.org/event/07-30-2020/docs/D2C22E63DF5EFD508355CDB5A8503EBOAD3E1E2899D4
2. nationalacademies.org/event/07-30-2020/cisac-security-dialogues-russian-dialogue-joint-protocol-of-the-us-national-academies-and-the-russian-academy-of-sciences-on-cooperation-in-various-fields-of-studies-concerning-covid-19
3. trv-science.ru/2020/12/kovalchuk-no-comment/

Андрей Климов — инициатор законопроекта, суть которого в ограничении и маргинализации научного просвещения и международного научного сотрудничества российских ученых [1]. Еще Андрей Климов — почетный профессор Пермского университета. Как только в моей голове сошлись эти две вещи: попытка этого человека законодательно ограничить свободу науки и его почетный символический статус в научном учреждении — я решил, что это повод для мобилизации университетского сообщества.

Согласно положению Пермского университета о статусе почетного профессора [2], этим званием поощряются «видные российские и зарубежные работники системы образования, общественные деятели и политики, чья деятельность оценивается как существенный вклад в развитие университета». Звание присваивает ученый совет. Интересно, что в положении не прописан механизм отзыва почетного статуса.

Пермский университет настолько скрупулезно подбирает кандидатуры для наделения этим высоким званием, что уверен — в будущем никто из почетных не совершит настолько плохих поступков, что его (ее) принадлежность к университетскому сообществу будет проблемой. Проще говоря, по положению, невозможно отозвать статус даже у человека, который будет признан судом насильником-педофилом или убийцей.

На 27 января 2021 года было намечено заседание ученого совета ПГНИУ. Моей задачей было обратить внимание коллег на опасность климовского законопроекта для всех российских ученых, а также вновь поднять дискуссию об академической репутации. Словом, поставить вопрос: нужно ли университету ассоциировать себя с человеком, который делает плохие вещи для научного развития. Я создал на change.org петицию «Лишить звания почетного профессора сенатора Андрея Климова» [3], которая обращена к членам ученого совета и врио ректора ПГНИУ, с просьбой рассмотреть вопрос о лишении Климова звания ввиду его противоправной деятельности. Огромного количества подписей я не ожидал; смысл был в том, чтобы чуть-чуть пошуметь для манифестации проблемы. Пока шел сбор подписей, я написал личные письма почти всем членам ученого совета, привлекая внимание к петиции и к самой проблеме.

Любопытно, что из почти 60 корреспондентов мне ответили пятеро, из них трое — деканы. Практически все ответы были в стиле «да, законопроект — абсурд и зло, но...». Эти «но» можно типологизировать таким образом: 1) но в положении о почетных профессорах не прописана процедура отзыва звания; 2) но звание было дано за прошлые заслуги, так что же теперь — отбирать? Так можно далеко зайти; 3) но зачем поднимать шум? Можно просто написать человеку, что он предлагает плохой закон, — может быть, он одумается и отзовет его.

Помимо писем, я получил еще и устную реакцию коллег на петиционную инициативу. При этом добавились новые «но» к объяснению того, почему нельзя лишать Климова почетного звания: 4) не надо ссориться с весомым и важным путинским бюрократом, это себе дороже; 5) мало кто ассоциирует университет с Климовым, а активность с петицией привлекает внимание к его персоне и тем самым наносит университету еще больший ущерб.

Пермские издания заинтересовались нашей историей и запросили в пресс-службе университета официальную реакцию, которая оказалась «ноу коммент». Официальные лица заблокировали входящую и исходящую информационную повестку, связанную с Климовым, представив эту инициативу делом рук местного сумасшедшего. Тем временем петицию уже подписали более 350 человек, большинство из которых сотрудники, студенты и выпускники ПГНИУ.

27 января состоялось заседание ученого совета. Никто из его членов не поднял вопрос о Климове, его законопроекте и почетном профессорском статусе. О чем это всё говорит мне как представителю университетского сообщества, гражданину и политологу?

К этой истории надо относиться как к тренировке перед более сложными и более опасными ситуациями. Осенью в Беларуси мы видели, как университетские сообщества где-то сдавали своих студентов и преподавателей — участников антидиктаторских митингов, а где-то и не сдавали. С высокой вероятностью нас ждет что-то подобное. Коллеги не решились пойти против

Всеволод Бедерсон

по такому пустяковому делу; предположу, что, когда ставки будут несравнимо выше, они могут еще больше смалодушничать: сам виноват, не надо на несогласованные митинги ходить; сам виноват — надо понимать, в каких условиях живешь. А возможно, и наоборот: чем сложнее ситуация, тем проще делать этически верный выбор.

История о Климове и Пермском университете — это история об устойчивости режима информационной автократии (по типологии Гурьева и Трейсмана [4]). А значит, тонуть и тонуть нам в этой подлодке еще долго. Устойчивость режима питается в том числе и повседневной, рутинной толерантностью к несправедливости. Судя по этой истории, такая толерантность в обществе высока.

Всеволод Бедерсон,
доцент кафедры политических наук
Пермского государственного национального
исследовательского университета (ПГНИУ),
организатор научно-популярных
мероприятий в Перми

1. Законопроект № 1057895-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (в части введения просветительской деятельности). sozd.duma.gov.ru/bill/1057895-7
2. Доска почета университета. Почетные профессора. psu.ru/universitet/doska-pocheta-universiteta/pochetnyye-professora-permskogo-gosudarstvennogo-natsionalnogo-issledovatel'skogo-universiteta
3. Петиция «Лишить звания почетного профессора сенатора Андрея Климова». chng.it/sH2BQKgz
4. Guriev S., & Treisman D. Informational autocrats // Journal of Economic Perspectives. 2019. 33(4). P. 100–127.

Остановить нарастающую конфронтацию и обратиться к сотрудничеству и диалогу

Это письмо, опубликованное на сайте газеты 1 февраля 2021 года, подписало уже более 800 ученых, в том числе и два нобелевских лауреата Андрей Гейм и Константин Новосёлов, 15 академиков РАН: Виктор Васильев, Михаил Данилов, Владимир Захаров, Валерий Рубаков, Роальд Сагдеев, Алексей Старобинский, Ефим Хазанов и другие. Обращение открыто для подписания научными работниками, разделяющими высказанные в нем тезисы (см. подробности в конце материала).

Мировое сообщество столкнулось со множеством глобальных проблем и противоречий, которые усилились на фоне пандемии коронавируса. На этом же фоне развиваются крайне тревожные и опасные события в России, негативно сказывающиеся как на состоянии общества, так и на отношениях страны с международным сообществом. Эти события включают отравление и арест в России оппозиционного политика Алексея Навального, жестокое обращение с мирными протестующими и политическое преследование несогласных, а также тенденцию к самоизоляции и усилению конфронтации России с другими странами. Мы, нижеподписавшиеся ученые, работающие в разных странах мира, считаем необходимым высказаться по следующим вопросам:

1. Недопустимость применения химического оружия, необходимость расследования отравления Алексея Навального, а также прекращение политического преследования его и его сторонников. Мы потрясены и возмущены фактом использования химического оружия на территории России против граждан России Алексея Навального [1, 2]. Как ученые мы испытываем чувство негодования в связи с тем, что изобретения человеческого гения в области химической науки используются не на благо людей, а для нанесения им вреда. Хранение, распространение и использование химического оружия является нарушением Конвенции о запрещении химического оружия [3], вступившей в силу 29 апреля 1997 года и ратифицированной 65 странами, включая Россию. Мы крайне встревожены указаниями на то, что это чудовищное преступление осуществлено с участием сотрудников российских спецслужб, а также тем, что эти сотрудники могут быть причастны к ряду других подобных преступлений против граждан России. Отсутствие расследования отравления Алексея Навального в России, а также его задержание и арест по возвращении на Родину после лечения порождают возмущение в обществе, способствуют усилению гражданского противостояния и дестабилизации обстановки в стране. Мы призываем прекратить преследования Алексея Навального и его сторонников, провести честное и открытое расследование его отравления и наказать виновных.

2. Соблюдение прав граждан РФ на мирное собрание и необходимость диалога между властью и обществом. Мы возмущены фактами насилия со стороны правоохранительных органов в отношении мирных демонстрантов. Отсылки к опыту демократических стран, где якобы осуществляются такие же действия, противоречат фактам. Мы хорошо знаем ситуацию в этих странах и видим, что протесты летом 2019 года в Москве и совсем недавно по всей России были мирными,

а их разгон — неоправданно жестоким. Мы видим, что в России набирает скорость маховик репрессий против несогласных — разворачивается уголовное преследование участников демонстраций и принимаются судебные решения, всё меньше имеющие отношение к закону. Нам очевидно, что власть предпринимает попытку запугать несогласных, сбить волну протеста и поставить под контроль гражданское общество. Эта стратегия обречена на провал. Статья 31 Конституции РФ провозглашает право каждого гражданина собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования. Демократический процесс немислим без исполнения этого базового права. Научные исследования показывают, что граждане счастливее в более свободных странах с высоким индексом свободы прессы и волеизъявления [4]. Напротив, жестокое подавление протеста и отсутствие диалога с обществом усиливает противоречия и может привести страну к катастрофе, как хорошо известно из истории самой России. Поэтому мы призываем российскую власть к честному диалогу со всем обществом. Необходимо остановить фактический запрет мирных собраний и митингов, а также аресты, уголовное преследование и вообще любое применение силовых методов в отношении мирных демонстрантов.

3. Международное сотрудничество в области науки и здравоохранения — важнейший инструмент для достижения благополучия и стабильности. Пандемия коронавируса показала неготовность правительств и человечества в целом к глобальным вызовам [5]. Вместе с тем стала очевидна огромная роль науки в понимании природы вирусной инфекции, предотвращении ее распространения и создании эффективных вакцин против коронавируса в беспрецедентно короткие сроки. Ученые и медики продемонстрировали всему миру необходимость международного сотрудничества в области науки и здравоохранения, важность быстрого обмена информацией наряду с просвещением населения. Мы считаем, что в России пока упущена возможность консолидации интеллектуальной элиты и всего общества в борьбе против пандемии. Также оказывается пока неэффективным мощным ресурс для снижения международной напряженности путем сотрудничества для совместной борьбы с пандемией. Вместо этого делаются попытки создания образа внешнего врага, напрямую ведущие к изоляции страны. Мы глубоко озабочены попытками ограничить международное сотрудничество, а также тем, что некоторые ученые, имеющие научные контакты с зарубежными коллегами, привлекаются к уголовной ответственности по надуманным основаниям. Современная наука не может развиваться в условиях изоляции.

Мы приветствуем ориентацию России на развитие науки и технологий [6], однако, без международного сотрудничества наука в стране истощится, а без науки у страны не будет будущего. Мы призываем использовать потенциал международного сотрудничества для совместной борьбы с глобальными угрозами человечеству, а также для снижения противоречий и усиления взаимопонимания между странами.

В своей Нобелевской лекции 1975 года А.Д. Сахаров подчеркивал: «Мир, прогресс, права человека — эти три цели неразрывно связаны, нельзя достигнуть какой-либо одной из них, пренебрегая другими» [7]. Мы призываем следовать заветам этого великого патриота России.

Цитируемые источники:

1. «OPCW Issues Report on Technical Assistance Requested by Germany». Organisation for the Prohibition of Chemical Weapons. 6 October 2020. Archived from the original on 6 October 2020. Retrieved 6 October 2020. [opcw.org/media-centre/news/2020/10/opcw-issues-report-technical-assistance-requested-germany](https://www.opcw.org/media-centre/news/2020/10/opcw-issues-report-technical-assistance-requested-germany)
2. Steindl D., Boehmerle W., Körner R., Praeger D., Haug M., Nee J. et al. Novichok nerve agent poisoning // Lancet. 2021. 397. P. 249–252.
3. The Convention on the Prohibition of the Development, Production, Stockpiling and Use of Chemical Weapons and on their Destruction. En: [opcw.org/chemical-weapons-convention](https://www.opcw.org/chemical-weapons-convention) Ru: [opcw.org/ru/konvenciya-o-khimicheskoy-oruzhiy](https://www.opcw.org/ru/konvenciya-o-khimicheskoy-oruzhiy)
4. Abdur Rahman A. and Veenhoven R. Freedom and Happiness in Nations: A Research Synthesis // Appl. Res. Qual. Life. 2018. 13. P. 435–456.
5. Fry C. V., Cai X., Zhang Y., and Wagner C. S. Consolidation in a crisis: Patterns of international collaboration in early COVID-19 research // PLOS One. 2020. 15. e0236307.
6. Schiermeier Q. Russia aims to revive science after era of stagnation // Nature. 2020. 579. P. 332–336.
7. Нобелевская лекция А. Сахарова «Мир. Прогресс. Права человека». 11 декабря 1975 года. sakharov-center.ru/article/nobelovskaa-lekcia-mir-progress-prava-celoveka

Свою подпись можно поставить здесь: trv-science.ru/ostanovit-narastayushhuyu-konfrontatsiyu-i-obratitsya-k-sotrudnichestvu-i-dialogu/
Почта для связи — dialog@trvscience.ru

Наукоград под надежной защитой?

Детская горка в Пущино

Тоша в отделении полиции

Город науки Пущино известен не только открытиями в области физико-химической биологии, но и глубокими традициями коллективного «сознательного». Научные лектории и школы, джазовые фестивали, фестивали авторской песни проводятся здесь издавна и собирают сотни людей. Многие помнят также «марши профсоюза» по маршруту Пущино – Москва, Горбатый мостик около здания Правительства РФ. Тогда им никто не препятствовал...

Ученые любят собираться и обсуждать различные события, не обязательно касающиеся непосредственно науки. Возможно, они старомодны и специально к этому не готовятся. И, как оказалось, зря, потому что сейчас перед такими обсуждениями необходимо внимательно изучить кодекс об административных правонарушениях, иначе их участники могут быть задержаны и даже наказаны.

23 января 2021 года Пущино стало лидером по числу задержаний не только в Московской области, но и в России – если пересчитать на количество жителей. Было задержано восемь человек (почти все – ученые, сотрудники институтов научного центра) и одна собака Тоша, каждому из которых (кроме Тоши) было предъявлено одно и то же обвинение – в организации публичного мероприятия без уведомления о его проведении.

А что же произошло на самом деле? Около тридцати человек вышли прогуляться по городу, высказывая свою гражданскую позицию. «Организованным массовым мероприятием» на самом деле было десятиминутное общение группы знакомых между собой ученых в центре города и прогулка с шариками по пешеходной улице – местному Арбату. Вдыхая через маски свежий воздух, коллеги беседо-

вали о насущном, – в основном о том, как бы нам организовали в Пущино вакцинацию от Covid-19, – перемещаясь группами по три-четыре человека и стараясь не вступать в дискуссии с прохожими. Несколько человек, расходясь по своим делам, свободно прошли в непосредственной близости от полицейской машины, еще не подозревая, что некоторых скоро задержат. Постфактум. По фотографиям, которые сделала сотрудница пущинской полиции в самом начале, когда люди подошли к коллеге, запланировавшему одиночный пикет с плакатами, и с определенного ракурса оказались довольно близко от «средств наглядной агитации».

В дела и вовсе попала фотография из видеоролика, из которой может показаться, что плакаты стоят сами по себе (если не присматриваться к торчащим ногам), а люди – как бы вокруг них... Искать прогуливающихся лю-

дей по фотографии и бегать за ними, как за преступниками, – это дикость, которая не укладывается в образ, казалось бы, культурного научного Пущино, всегда имевшего репутацию города свободного. Ловить человека, который возвращается домой с рюкзаком яблок из своего погреба, по пути пообщавшись со старыми знакомыми, – ненормально.

Почему вообще людей начали арестовывать с такой задержкой? Почему сначала полиция была доброжелательной и только наблюдала за происходящим, а потом вдруг появилось еще несколько машин, которые начали ездить по дворам с мигалками и ловить людей на подходе к дому? Что произошло? Возмож-

но, машины из Серпухова (не местные пушинские) приехали по зову активной жительницы наукограда (имя известно редакции), сообщившей в полицию о том, что «по Арбату идет толпа 40 человек с шарами» (цитата из заявления). А может быть, это стало результатом совещаний с вышестоящими инстанциями – что же делать со столь злостными нарушителями общественного порядка.

Суд состоялся в тот же день – точнее, ночь. Последний задержанный вышел из здания суда глубоко за полночь. До суда в отделении полиции людей запугивали статьями о детях, оставленных без присмотра, об оказании сопротивления сотрудникам полиции, пытались отобрать телефо-

2004 «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». Все восемь человек были признаны виновными в организации (!) массового собрания. Каждого из них оштрафовали на 20 000 руб.

В рапорте старшего лейтенанта полиции Ю.В. Безгиной, сфотографировавшей группу людей с правильного ракурса, отдельной строкой отмечено, что «граждане общались между собой». Выходит, что в Пущино по выходным теперь нельзя гулять в компании нескольких знакомых по центральным улицам без риска быть задержанным. (В документах административных дел вообще имеется некоторое количество неточностей и несообразностей, скажем, старший лейтенант Безгина

пишет о себе в мужском роде: «На основании изложенного полагал бы приобщить фотографические снимки...» (sic!); рапорты сотрудников милиции не ссылаются на полученный «сигнал», а якобы являются следствием рутинных обходов; утверждается, что граждан доставили в дежурную часть непосредственно от здания ПНЦ РАН, где проводился пикет, а не брали на пущинском Арбате и во дворах – и случилось это 21, а не 23 января; в протоколах расходятся и списки пикетчиков.)

А что в других наукоградах? В соседнем Протвино к зданию мэрии вышли около сорока человек, в том числе с плакатами. Были и одиночные пикеты – но никаких задержаний не было. В Дубне был организован самый настоящий митинг с выступлениями и микрофоном. И тоже никто не задержан... Так что же, получается, это только Пущино под такой надежной охраной?

...Через неделю город патрулировали уже четыре машины (одна из них с росгвардейцами) и четыре пары пеших полицейских. Полицейские с подозрением смотрели на людей с собаками и группы больше двух человек, а некоторых даже фотографировали – то ли на память, то ли для новых дел. Кто же так испугался и кого так бережно охраняют от ученых?

Постановления Пущинского городского суда уже обжалуются в Московском областном.

От редакции: Мы надеемся, что руководство научного центра и институтов займет достойную позицию и окажет необходимую поддержку своим сотрудникам. Наша газета будет следить за развитием событий.

От редакции: Мы надеемся, что руководство научного центра и институтов займет достойную позицию и окажет необходимую поддержку своим сотрудникам. Наша газета будет следить за развитием событий.

Мы выражаем глубокую обеспокоенность в связи с арестом И.П. Рыгаева.

РЕЗОНАНС

Иван Рыгаев

В поддержку коллеги

Воскресенье 31 января 2021 года был задержан и затем осужден к административному аресту на срок 12 суток Иван Петрович Рыгаев, научный сотрудник Института проблем передачи информации им. А.А. Харкевича РАН.

Иван Петрович – известный лингвист, специалист в области компьютерного семантического анализа текстов и представления знаний. Научная работа Ивана Петровича посвящена созданию корпуса русского языка с глубокой семантической разметкой. Он является одним из ключевых участников проекта «Компьютерно-лингвистическая платформа нового поколения для цифровой документации русского языка: инфраструктура, ресурсы, научные исследования», поддержанного грантом Министерства науки и высшего образования РФ.

В науке каждый сложившийся и глубокий специалист незаменим, а вынужденный перерыв в работе над актуальным направлением может обернуться долгосрочными и даже необратимыми потерями. Мы выражаем глубокую обеспокоенность в связи с арестом И.П. Рыгаева.

Юрий Дереникович Апресян, докт. филол. наук, академик РАН, глав. науч. сотр. Института проблем передачи информации РАН;

Пётр Михайлович Аркадьев, докт. филол. наук, вед. науч. сотр. Института славяноведения РАН, профессор РГГУ;

Светлана Анатольевна Бурлак, докт. филол. наук, профессор РАН, вед. науч. сотр. Института востоковедения РАН;

Анна Владимировна Дыбо, докт. филол. наук, чл.-кор. РАН, глав. науч. сотр. Института языкознания РАН;

Фёдор Борисович Успенский, докт. филол. наук, чл.-кор. РАН.

(Авторы выражают личную точку зрения; названия учреждений приведены в информационных целях.)

Фото из письма в редакцию

Как вы думаете, что сделают с дураками-подростками, наклеившими на стене школы снежную свастику? Правильно: вызовут вместе с родителями на комиссию по делам несовершеннолетних, поставят на учет в полиции, будут угрожать уголовным преследованием; если ребенок под опекой, то у него будут все шансы лишиться приемных родителей и вернуться в детский дом для эффективного воспитания патриотических чувств.

А теперь второй вопрос: что сделают с профессором двух университетов Санкт-Петербурга, который на лекции для школьных учителей объяснил, что Холокоста не было (газ в камерах использовался для дезинфекции... шесть миллионов сожженных — выдумка, потому что мощностей бы не хватило...), а перед этим, как выяснилось, в своих научных статьях всю оправдывал Гитлера, который просто вынужден был защищаться от «людоедских планов евреев»? Ответ: скорее всего, ничего не сделают.

Впрочем, статьи — статья, но после лекции скандал поднялся всё же нешуточный, так что питерский филиал РАНХиГС даже сообщил о намерении прекратить сотрудничество с преподавателем. После чего и хорошо известный «Диссернету» Санкт-Петербургский государственный экономический университет (СПбГЭУ) [1] не рискнул остаться в стороне: ректор Игорь Максимцев заявил, что комитет по этике вуза будет проводить проверку высказываний своего сотрудника [2].

Не то чтобы мы оправдывали подростков, но встает отдельный вопрос: как именно их учат патриотизму, что они не видят за свастикой живых людей — погибших в боях, умерших от голода в Ленинграде, умерщвленных газом, который, вопреки «мнению» профессора, использовали не только для дезинфекции. Но если подростков учат такие преподаватели (а ведь лекция профессора, напомним, предназначалась школьным учителям: он учил их тому, как надо учить детей!), то чему уж тут удивляться.

История с лекцией привлекла внимание активистов «Диссернета»: почему этому, с позволения сказать, ученому разрешается пропаганда нацизма? Не кроется ли ответ в его научных трудах?

Владимир Владимирович Матвеев, действительный член пяти академий и почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, в соответствии с записью на своей личной странице, в обоих вузах значится кандидатом экономических наук и дважды доктором: технических наук и философии. Какой-то подозрительно широкий ох-

Альбом из Аушвица. В архивах концлагеря не осталось никаких записей об этих детях и взрослых — только эти последние кадры перед отправкой в газовую камеру

Доктор человеконенавистнических наук

Лариса Мелихова, Андрей Ростовцев

ват! — сказали себе активисты «Диссернета» и на всякий случай пошли проверять, нет ли в диссертациях плагиата, тем более что профессор в 2019 году сам написал статью про «Антиплагиат», в которой утверждал, что заимствования фрагментов чужих произведений без указания источника — это «ошибка», а плагиатом следует считать только «полную выдачу чужого произведения за свое». Так не было ли в диссертациях ученого «ошибок»?

Результат поисков оказался довольно ошеломляющим: не было не только плагиата, но и диссертаций! Ни докторской (ни одной из двух), ни кандидатской в Российской государственной библиотеке (РГБ) нет. Ни одного автореферата в Российской научной библиотеке (РНБ) тоже не оказалось. Хотелось

бы получить объяснения профессора Матвеева, по какому праву он приписывает себе целых три ученых степени.

Дальше — больше. Историк Игорь Петров обнаружил в статье Матвеева от 2015 года «Системный подход к оценке причин и значения Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [3], описывающей, в том числе, «людоедские планы евреев» по уничтожению немецкой нации, не только оправдание нацизма, но все-таки и плагиат! Примерно две трети статьи позаимствованы Матвеевым у неонациста Кирилла Мямлина: совпадают не только тексты, но сноски и даже опечатки [4]. Выводы историка перепроверил Диссернет, так что читатели могут самостоятельно посмотреть, какой именно текст перекочевал в статью Матвеева: хорошо, что профессор четы-

ре года спустя не поленился объяснить, что такие совпадения следует считать «ошибкой» [5]. Но и это еще не всё. Последняя работа «Диссернета» по разоблачению переводного плагиата тоже пригодилась: недолгий поиск выявил публикацию 2017 года в хищном индийском журнале [6], являющуюся дословным переводом с русского на английский чужой монографии 2008 года. Среди соавторов статьи целых два Матвеева: наш герой, профессор Владимир Владимирович, и доцент университета ГПС МЧС Александр Владимирович (сын?). Скопировано всё, включая графики, формулы и выводы [7]. Хотелось бы узнать мнение профессора (специалиста по «Антиплагиату»), к какой категории относится этот вид копирования: можно ли его квалифицировать как «полную выдачу чужого произведения за свое» (плагиат), или всё же перевод на другой язык означает, что имела место неполная выдача чужого произведения за свое, то есть ошибка?

Заключительный штрих: англоязычная работа «выполнена» по гранту РФФИ. То есть данные из чужой монографии девятилетней давности были использованы для отчета по гранту, посвященному исследованию «системы противопожарной защиты на объектах АЭС» [8]. Почему-то вспоминается пожар на подлодке в Балтике и даже Чернобыль... Странно, что вуз (оба вуза!), и редакции журналов, и эксперты грантодателя смотрят сквозь пальцы на такие махинации.

Теперь, как говорит молодежь, запасаемся попкорном и наблюдаем, уволят ли нечистого на руку дважды «доктора» с человеконенавистническими взглядами хотя бы из одного из университетов. Даже не за взгляды или пропаганду нацизма, а за неоднократное и серьезное нарушение академической этики.

1. rosvuz.dissnet.org/vuz/48384
2. kommersant.ru/doc/4663326#id855079
3. [facebook.com/igor.petrov.7792052/posts/1196466164089779](https://www.facebook.com/igor.petrov.7792052/posts/1196466164089779)
4. meduza.io/feature/2021/01/28/professor-iz-peterburga-predlozil-rasskazivat-shkolnikam-cto-holokost-pozitivnoe-yavlenie-a-kritikam-otvetil-cto-oni-dremuchie-lyudi
5. [wiki.dissnet.org/wsave/Natsionalnaya_bezопасnost_i_strateg_planirovaniye_2015_2_1publ.html](https://www.wiki.dissnet.org/wsave/Natsionalnaya_bezопасnost_i_strateg_planirovaniye_2015_2_1publ.html)
6. [International Journal of Applied Engineering Research \(dissnet.org\)](https://www.internationaljournalofappliedengineeringresearch.com/index.php/ijaer/article/view/1196466164089779)
7. [wiki.dissnet.org/wsave/IJAER_2017_22_1publ.html](https://www.wiki.dissnet.org/wsave/IJAER_2017_22_1publ.html)
8. [rfbr.ru/rffi/portal/project_search/o_2026027](https://www.rfbr.ru/rffi/portal/project_search/o_2026027)

ПАМЯТЬ

Оживитель мира

1 февраля 2021 года умер Виктор Коваль, чьему перу принадлежали первые карикатуры в нашей газете. Образ Ивана Экономова, картинка к «Корчевателю» — дело его талантливых рук и ума. Публикуем слова памяти, написанные о художнике Ильей Кукулиным.

Умер Виктор Коваль — замечательный поэт, виртуозный художник-график и блистательный мастер поэтического перформанса — вероятно, один из лучших авторов, работавших в этом жанре в русской поэзии второй половины XX — начала XXI веков. Своей работой он — наряду с Д.А. Приговым — явно или неявно проложил дорогу для многих ярких современных поэтов-перформеров в диапазоне от Дмитрия Строева до Романа Осминкина.

В детстве невероятно обаятельный Коваль был востребованным ребенком-киноартистом. Он снялся минимум в десяти советских фильмах, в том числе вполне известных — «Дело Румянцева», «Васёк Трубачёв и его товарищи»; в фильме «Дружок» по рассказам Николая Носова сыграл даже одну из двух главных ролей. Взрослый Коваль писал стихи, песни, рисовал картинки к отделу юмора в перестроечном «Огоньке» и записывал рок-треки с Вячеславом Бутусовым и Георгием Каспаряном. Правда, альбом Бутусова «НезаконноРожденный АльХимик Доктор Фауст — Пернатый Змей» на стихи Ковалья (а в одной из песен — и с его вокалом) до сих пор републикуется в Интернете без упоминания имени автора песен. В «Огоньке» же рисунки Ковалья придавали журналу не только политический, но и эстетический радикализм — но, кажется, и там на имя художника мало кто обращал внимание.

Еще в середине 1970-х Коваль стал работать в «дуэте» с бардом (впоследствии — еще и известным журналистом) Андреем Липским, который написал целый ряд песен на его стихи. Как совершенно справедливо заметил Михаил Айзенберг, песни Ковалья и Липского середины 1970-х явственно предвосхищали соц-артистский абсурдизм песен Бориса Гребенщикова и Анатолия Гуницкого конца 1970-х — 1980-х. Более того, песню Ковалья и Липского «Товарищ подполковник», доводившую до абсурда советский армейский стиль и тоже написанную в середине 1970-х, можно было бы считать первым

Виктор Коваль в детстве. Кадр из фильма «Дело Румянцева» (реж. Иосиф Хейфиц, 1955 год)

предвестием того движения, которое потом стало известным под названием «русский перестроечный рок».

В авторском чтении — или, точнее, в его представлении, разыгрывании — стихотворения Ковалья обретают словно бы четвертое измерение. К счастью, сохранилось относительно много видеозаписей, а незадолго до смерти Коваль успел записать большой цикл своих произведений — с речитативным пением и приплясыванием, как полагается, — для сайта «Арзамас».

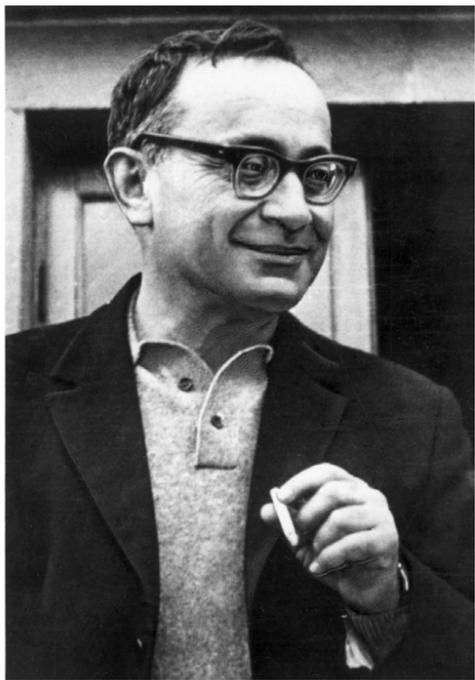
Ковалья при жизни очень любили те, кто знал. Но знали его немногие. Слишком немногие, если сравнивать масштаб таланта со степенью известности. Л.Н. Толстой, как известно, сказал об одной из сказок Н.С. Лескова: «Если бы не излишек таланта, была бы лучше». «Избыток» таланта, невероятное богатство самореализации было свойственно и Ковалю — как и Лескову. Хотелось бы надеяться, что блестящий артистизм и разнообразие талантов не станут препятствием на пути хотя бы посмертного признания Виктора Ковалья. ♦

▲ Виктор Коваль на презентации книги «Возвращение в Москву» в клубе «Китайский летчик Джао Да». Москва, 1 сентября 2014 года. Фото Е. Богдановой

Рисунок В. Ковалья к статье о «Корчевателе», опубликованной в ТрВ № 13 от 30.09.2008, с. 1

Михаил Львович Левин родился в 1921 году в Саратове, в семье научных работников: мать — Ревекка Левина, экономист, отец — Лев Карлик (1898–1975), физиолог. В 1926 году семья переехала в Москву. Еще в детстве Миша слыл эрудитом и был третейским судьей во всех спорах. В 1938 году Михаил поступил на физфак МГУ. В 1939 году его мама, как знаменитый экономист (она работала в Институте мировой политики и мирового хозяйства), была избрана член-корреспондентом АН СССР, став одной из первых женщин — членов Академии; получила академическую квартиру и дачу в Кратово. Отец стал доктором медицинских наук и профессором.

В 1941 году началась Великая Отечественная война. Михаил из-за очень плохого зрения не подлежал призыву. С осени 1941 по 1942 год он находился в эвакуации в Казани и Ташкенте. Там судьба свела его с Евгением Пастернаком (а затем и с Борисом Леонидовичем), с Наумом Мейманом, Сигурдом Шмидтом и детьми Всеволода Иванова — Комой (Вяч. Вс. Ивановым) и Татьяной. Осенью 1942 года вернулся в Москву, продолжил учебу в МГУ и одновременно работал в оборонном радиолокационном НИИ-108 под началом М. А. Леонтовича. С Леонтовичем связана и научная, и личная составляющие его жизни. На четвертом курсе МГУ они создали фундаментальную теорию, объясняющую свойства и возможности проволочных антенн, сразу выдвинувшую Михаила в число ученых с мировым именем.

С 1943 года Левин стал завсегдаем дружеской компании. Часть ребят, в том числе известных впоследствии сценаристов Валерия Фрида и Юлия Дунского, он знал с детства. Молодые люди стали встречаться — играть в карты, беседовать на разные темы, пить чай, иногда и водку. Как оказалось, все их разговоры прослушивались. С апреля по август 1944 года друзья были арестованы по обвинению в принадлежности к антисоветской террористической молодежной группе, которая якобы намеревалась устроить покушение на Сталина. По версии следователей НКГБ, они замыслили расстрелять вождя из немецкого авиационного пулемета, когда тот проезжал по Арбату. При этом следователи предположили не заметить, что окно комнаты Нины Ермаковой (осужденной на три года; впоследствии жены Виталия Гинзбурга), из которого «планировалось» совершить покушение, выходило не на улицу, а во двор. Двое — Владимир Сулимов (пришел с фронта с тяжелым ранением, его следствие назначило «вожаком-злодеем») и Алексей Сухов (студент второго курса юрфака МГУ) — затем погибли в лагерях. Фрид и Дунский, студенты ВГИКа, получили 10 лет лагерей, освободились только в 1954 году, а в Москву смогли вернуться лишь в 1957-м; по их сценариям были сняты «Служили два товарища», «Гори, гори, моя звезда», «Сказ про то, как царь Пётр арапа женил», «Экипаж» и другие известные фильмы.

Несмотря на физические и психологические пытки, Михаил отказался признать себя виновным и был приговорен к трем годам заключения. По пути в лагерь был снят с этапа и отправлен в радиолокационную подмосковную шарашку. В августе 1945 года Михаил был освобожден по амнистии с «запретом 101-го км» и обязанностью покинуть Москву в течение двух-трех дней. За эти дни Левин успел сдать последний экзамен в МГУ. Экзаменатор по марксизму посмотрел на его отличные оценки и задал единственный вопрос: «А какая у вас была статья?»

О Михаиле Левине: «Он задавал тон. На него равнялись»

1 февраля 2021 года исполнилось 100 лет со дня рождения замечательного физика-теоретика и литератора **Михаила Левина**, университетского товарища А.Д. Сахарова. Левин был одним из немногих, кто в 1980–1986 годах отважился навещать опального академика. Публикуем расширенную биографию Михаила Львовича, составленную по материалам книги о нем [1], выдержки из воспоминаний его друзей [2] и фрагменты выступления М.Л. Левина, посвященного А.Д. Сахарову [3].

В сентябре 1945 года, благодаря заступничеству Леонтовича, начал работать на радиофизическом факультете Горьковского университета. Только что созданный факультет привлек тогда великолепную команду ученых и педагогов: А.А. Андронова, М.Т. Грехову, В.И. Гапонова, В.Л. Гинзбурга, Д.А. Франк-Каменецкого и других. В ноябре 1946 года Михаил защитил кандидатскую диссертацию о свойствах электромагнитного излучения. В эти годы вокруг Левина, разработавшего курс лекций по электродинамике сверхвысоких частот, сложился круг учеников: А.В. Гапонов-Грехов, М.А. Миллер и др. Тем не менее он всё время чувствовал на себе внимание «компетентных органов».

10 января 1948 года в рамках антисемитской кампании была арестована мать Михаила, Ревекка Левина; ее подвергли жестоким пыткам, выбивая показания как на Соломона Михоэлса (убитого всего лишь через пару дней, 12 января 1948 года), так и по делу Аллилуевых; от нее требовали признаний, что она порочила национальную политику партии и правительства. С Михоэлсом Ревекка познакомилась в Ташкенте во время эвакуации, они были соседями.

Вскоре Михаил был уволен из университета, счастливо избежав повторного ареста. Уже подготовленную докторскую диссертацию по дифракционным излучателям он смог защитить только в 1954 году. В годы гонений его согласился принять лишь Тюменский пединститут. Во время «дела врачей» возникла угроза ареста и отца Левина: уже вышла статья о политическом недоверии профессорам Карлику и Шапиро.

В марте 1953 года страна услышала новости о дыхании Чейна — Стокса. «Спасибо вам, товарищ Сталин, за то, что жить вы перестали!» — любил в те годы говорить Левин. В мае 1953 года Михаил женился на дочери своего учителя — математике Наталии Леонтович. Это брак оказался очень счастливым.

В 1954 году 55-летняя Ревекка Левина (1899–1964) после почти шести лет заключения вышла на свободу по болезни. Все эти годы семья ничего не знала о ее судьбе. В 1955 году Михаил Левин занял позицию профессора кафедры теоретической физики Ивановского пединститута, где тогда был очень хороший состав математиков: В.А. Ефремович, А.И. Мальцев, В.А. Рохлин; общение с последним многое дало Михаилу и в профессиональном, и в личном отношении. В 1953 году он был реабилитирован по всем обвинениям, но только после заявления на имя генпрокурора СССР в 1956 году и рассмотрения его дела смог вернуться в Москву. Благодаря поддержке академика А.Л. Минца был приглашен в Радиотехнический институт АН СССР. С 1957 года стал профессором кафедры радиофизики МФТИ.

В 1956–1992 годах Михаил Левин наконец мог спокойно заниматься электродинамикой, участвовал в написании монографии по статистической радиофизике, много времени уделял методологии и истории науки. Родились дети: Татьяна (1957), искусствовед, хранитель живописи XX века в Третьяковской галерее; Андрей (1962), математик, доктор физико-математических наук, профессор факультета математики ВШЭ; и Пётр (1971). Семья Левиных стала частью большого разветвленного семейства Леонтовичей, часто собиравшегося на даче в подмосковном Абрамцево.

С декабря 1989 года — начальник теоретического Радиотехнического института. Умер 1 августа 1992 года.

Евгений Пастернак:

...Когда в Москве стало известно, что моему отцу присудили Нобелевскую премию, к нам вечером пришел Миша Левин. Взволнованные и счастливые, уложив Петеньку спать, мы были не в силах сидеть в четырех стенах, и все троем вышли бродить по улицам.

Как мы радовались тому, что отец получил заслуженную награду и мировое признание, которое никакие завистники и недоброжела-

тели не в силах теперь замазать и опорочить. Что позади теперь все нападки и мучения, которым его подвергали в послевоенное время. Что получение премии означает поездку в Стокгольм и выступление с речью. Как это было бы красиво и содержательно сказано! Победа казалась нам такой полной и прекрасной.

И в который раз наши мечты были посрамлены и растоптаны вышедшими на следующее же утро газетами. Было стыдно и гадко на душе. Мы тогда ездили к отцу в Переделкино каждый день, он был радостен и светел, не читая газет и ничего не боясь. Предполагая, что, если его выпустят за границу, его могут не пустить обратно, он спрашивал меня, согласен ли я буду поехать с ним. Я обрадовал его, сказав, что, конечно, мы будем с ним.

Через неделю Миша позвонил мне с просьбой проводить его и Леонтовича в Переделкино. Дело в том, что в тот день «Правда» опубликовала статью о присуждении Нобелевской премии русским физикам Тамму, Франку и Черенкову. В конце статьи объяснялось, что физики получили заслуженную награду, а Пастернак — по политическим соображениям. Леонтович хотел рассказать, что физики так не думают, что газета забраковала статью Арцимовича по этому поводу, потому что он отказался вставить в нее подлый абзац.

Судя по предыдущим дням, когда я видел отца, я думал, что ему будет приятно встретиться с Леонтовичем и Мишей, которого он очень любил, но в этот раз было всё по-другому. Была небольшая метель, когда мы подъехали к дому. Я побежал вперед и узнал, что отца нет, он где-то гуляет. Мы встретили его на дорожке, и я не мог узнать его посеребрившего, осунувшегося лица. На слова Леонтовича он только повторил одно: «Теперь это всё уже не имеет никакого значения. Я сегодня отказался от премии». И он прочел нам наизусть текст телеграммы, отправленной в Стокгольм: «Ввиду того значения, которое получила присужденная мне награда в обществе, к которому я принадлежу, я вынужден от нее отказаться. Прошу не считать обидным мой добровольный отказ».

Он просил также взять в машину Ирочку Емельянову, дочь Ольги Всеволодовны Ивинской, которой нужно было в Москву. Я кинулся просить прощения за то, что никак не ожидал увидеть отца в таком состоянии, что еще вчера он был совсем другим. Но ни Миша, ни Леонтович не увидели в этой сцене ничего странного, и Михаил Александрович резко оборвал меня, сказав, что, напротив, он восхищен той высотой духа, которую встретил у Пастернака.

<...> Миша познакомил меня с А.Д. Сахаровым и Ю. Орловым в Козицком переулке у Наташи Солженицыной в один из первых дней после ареста Александра Исаевича. В квартире буквально валом валил народ, чтобы выразить поддержку, узнать последние новости, принять участие, подписать письмо протеста. Миша взял меня за руку и отвел в комнату, где находился главный штаб и где сидела Наташа. Он сказал, что хочет, чтобы мы были знакомы, и представил меня им. Помню, что в это время они обсуждали работы по возможному приему сигналов внеземных цивилизаций.

<...> Эти годы мы регулярно встречались у Надежды Яковлевны Мандельштам. Созванивались с Мишей и шли вместе от метро. Сидели около ее постели. Миша рассказывал ей всякие новости. Она очень любила затевать с ним разговоры об английской литературе, об общих знакомых. Пили чай, заваривали в больших кружках. Она часто задавала свой коронный вопрос, просила назвать десять русских интеллигентов. Это было невозможно, с четвертого или пятого начинались евреи, и она радостно ловила нас на слове.

<...> Два года подряд мы жили в Абрамцево в снятой нам Мишей сторожке соседней дачи. Виделись почти ежедневно. Миша был грустный и усталый. Нас волновали известия о том, что делается в Нагорном Карабахе. Мы ходили к Левиным смотреть телевизор.

Сахаров прислал Мише просьбу, чтобы разные люди из академического посёлка сочи-

ли и прислали срочные телеграммы со своими предложениями, как можно разрешить конфликт. Но Горбачев на следующем же заседании решительным образом поддержал азербайджанскую сторону, угрожая и затыкая всякие попытки со стороны Армении, — и сразу стало понятно, что сахаровские усилия не будут иметь никакого результата.

Как теперь страшно вспоминать эти дни, — кажется, что всё могло пойти по-другому, послушайся тогда Горбачёв голоса разума.

Миша всегда с большим интересом относился к событиям, в отличие от меня, ни не вызывали у него постоянного ужаса, он верил, что всё можно разрешить и устроить, если не сейчас, то в будущем. Ему был очень дорог Сахаров и его намерения. И после его смерти он сохранял верность его сотрудникам и их попыткам разрешить неразрешимое.

<...> Он говорил, например: «Я был в тот день совсем плохой, но позвонил Фазиль, и пришлось идти к нему». Искандер в тот раз что-то писал и хотел прочесть, или, может быть, просто искал житейского совета и сочувствия, и Миша ехал к нему, чтобы ему его оказать. Гельфанд попросил Мишу ходить на его семинары, потому что, как он сказал, тот напоминал ему Мишу Цетлина. «Раз Гельфанд зовет — надо идти», — говорил он и шел.

Его всеобъемлющая распространенная любовь и постоянный интерес к жизни и разным людям, которых он, как никто, умел находить и очаровывать, требовали полной самоотдачи, что, вероятно, сокращало безграничные возможности его научной самореализации. Но бессмертие человека создается не только сделанными работами, написанными книгами и научными открытиями, а в первую очередь любовной памятью людей, жизнью и других.

Вячеслав В. Иванов:

Миша Левин был одним из тех людей поколением (или половиной поколения — как считать?) старше меня, с кем я дружил долго и кто наложил отпечаток на мое отношение к жизни. Мне в отрочестве и в юности хотелось ему подражать. <...>

...Как-то мы условились вечером встретиться с Мишей. Он позвонил мне к концу того дня с извинениями: встретиться не удастся. «Ромм про нас сделал фильм». Он хотел его посмотреть. Это были «Девять дней одного года» со Смоктуновским. Когда немного позже я посмотрел эту картину, я задумался над Мишиным оборотом «про нас». Строго говоря, не про него. Он не работал в Дубне, его научная биография была сложнее, труднее и богаче. Но он (в гораздо большей степени, чем я) был заражен духом товарищества. Он принадлежал сразу нескольким сообществам. Физиков он рассматривал как свою кампанию. И многих молодых писателей, с которыми сблизился (мы оба были на многолюдных проводах Войновича в мастерской у Мессерера, в одном из немецких сборников Окуджавы напечатана фотография, где всё наше тогдашнее сообщество, мы с Мишей там рядом). <...>

Из поэтических чтений молодых поэтов, где мы присутствовали вместе с Мишей, самой памятной была внезапно устроенная Наташей Горбаневской встреча с приехавшим в 1968 году из Ленинграда Иосифом Бродским в Фундаментальной библиотеке Академии наук на ул. Фрунзе. Мы вышли по окончании вместе с Мишей, он довел меня до троллейбуса, не хотелось расставаться. Настоящая поэзия действовала на нас обоим. <...>

Не мне, не нам судить, удалась ли жизни наших близких. Мишин случай — особый. Внешне всё благополучно. Научная карьера негромкая. Замечательные эпиграммы при жизни известны немногим. Но без Миши нельзя представить всей жизни того круга, которому он принадлежал и для которого столько сделал. И дело даже не в отдельных чрезвычайно смелых поступках. Он задавал тон. На него равнялись. Будущее его оценит. ▶

► Об опасности мифотворчества

Из выступления М.Л. Левина на Сахаровских чтениях в Горьком 27 января 1990 года [2]:

...Сразу хочу предупредить: есть опасность некоего мифотворчества, оно уже началось при жизни Андрея Дмитриевича, продолжается после его смерти, и мне бы не хотелось принимать в этом участие. Хотя, сами понимаете, создать миф о юном гении, который сразу был понят как гений всеми окружающими, очень легко. Можно удариться в другую крайность, что он был «дуб доверчивый», а потом вдруг стал замечательным ученым.

Андрей Дмитриевич не был ни «дубом», ни самым блестящим студентом на нашем курсе. Правда, необычайную силу его и преподаватели, и студенты поняли очень скоро.

А вот его самого, пожалуй, не понимали. Просто не понимали, потому что способ рассуждений, его логические ступени, всегда были гораздо крупнее, чем ступени обычных людей. И только позднее, когда я взрослым человеком читал о замечательных математиках Галуа и Рамануджане, которых не понимали современники, я как-то соразмерил их немножко с Андреем Дмитриевичем. ...Многое, что для окружающих нуждалось в ступеньках, для Сахарова было очевидно. <...>

Андрей действительно было трудно понимать, и это у него оставалось очень долго. Мог ли он научиться излагать свои мысли так, чтобы они были понятны окружающим? Видимо, да. Но это к нему не пришло. Результаты, окончательные выводы у него всегда были правильными, задачи он решал правильно, отве-

ты на физические вопросы давал правильные. А понять его было трудно. Так все три университетских года. А когда я с ним встретился после довольно большого перерыва (мы с ним учились три года до войны, а потом встретились по-настоящему после XX съезда), я вдруг заметил, что он очень ясно излагает свои мысли. Он мне объяснил: да, научился, потому что пришлось иметь дело с большими начальниками с генеральскими погонами и вообще надо было говорить так, чтобы они делали то, что нужно. Пришлось научиться говорить на языке, понятном окружающим.

И сейчас в газетах иногда пишут, что он был косноязычным. Это неверно, это не косноязычие. Это поиск самых ясных слов: самому-то ему ведь ясно всё сразу, заранее.

Когда я познакомился с его первой женой, Клавдией Алексеевной, она мне сказала, шутя или не шутя, с какой-то гордостью, что вот они встретились в конце войны и что она, может быть, единственная женщина в Советском Союзе, которая получила объяснение и предложение руки и сердца в письменном виде. Он написал. Не от застенчивости, а потому что боялся, что скажет непонятно, девушка не поймет, о чем идет речь.

<...> Сахаровской эпохи в Горьком не было. Были горьковские годы в жизни Сахарова. И только. <...> Горьковская интеллигенция, ну и, прежде всего, физики... Ведь редкая, уникальная возможность — иметь в своей среде такого замечательного физика. И теоретика, и несравненного специалиста по прикладной

физике. Я пребывал в такой надежде некоторое время, пока не выяснилось, что она бесплодна.

Это одни из самых горьких моих воспоминаний и переживаний. Потому что, понимаете, когда какое-то столичное академическое быдло, которое думает только о деньгах и поездках за границу, о власти и директорском кресле, подписывает все эти гнусные бумаги и письма (против А.Д. Сахарова. — Ред. ТРВ), это всё очень противно, но меня лично по-настоящему не задевает.

Забегу немного вперед. Во время первой сахаровской голодовки наблюдалось очень большое волнение в коридорах президиума Академии наук. Разные бродили там люди. Но доминирующий тон среди тех, кто там роился, был такой: если Андрей Дмитриевич помрет, то нам за границей никто не подаст руки, и нам там делать нечего. Вот это их волновало!

Слева направо: М.Л. Левин, А.Д. Сахаров, отец Сергей Желудков, В.Н. Войнович, Ф.П. и М.М. Литвиновы, В.П. Некрасов, В.Н. Корнилов и М.Л. Литвинова на проводах П.М. Литвинова за границу. 1974 год

А здесь ведь всё не так. Здесь-то настоящие люди, которых я люблю и уважаю. Может быть, сегодня будут выступать и горьковские физики, они откроют свой секрет во имя гласности, свободы и плюрализма. Что же, в конце концов, их заставило принять условия, установленные начальством? Мне непонятно. Я понимаю, что с коллективом жить — по-волчьи выть, что нужно делать свое дело и, так сказать, жалует царь, а не жалует псарь... и приходится христарадничать. Но, может быть, стоило попробовать. Тем более я не уверен, что были какие-то запреты, распоряжения на бумаге. Похоже, рассчитывали на понятливость?..

У меня появилась большая надежда как раз в середине горьковского периода жизни Андрея Дмитриевича, когда на весь свет было объявлено президентом Академии наук о том, как гуманно поступило наше правительство, отправив Андрея Дмитриевича в Горький, где замечательные условия для работы, где очень много академических институтов и тамашние ученые академического ранга отнюдь не стремятся покинуть Горький.

Это было интервью журналу «Ньюс уик», то самое знаменитое интервью, в котором президент заявил, что у Андрея Дмитриевича серьезный психический сдвиг. Оно на совести Александра. Утверждение президента Академии наук о райских условиях в Горьком неоднократно повторялось профессионально выездными учеными, когда их за границей спрашивали, что у вас там с Сахаровым.

На этом фоне, конечно, следовало попробовать: давайте приглашать Андрея Дмитриевича на свои конференции. Давайте приглашать

его на совещания, пусть он принимает участие, давайте ходить к нему советоваться по науке. Надо было не улавливать с полуслова волю начальства, а с мудрой швейковской тупостью повторять и повторять опубликованное в печати утверждение президента.

Ничего такого, к сожалению, не произошло. Это меня мучает до сих пор. А тогда мне было просто тяжело — и за Сахарова, и потому что я в Москве имел репутацию горькофила. Все знали, что я работал в Горьком, знали, как я люблю этот город, и с меня спрашивали, что же у тебя там делается? А я на этот вопрос ответить не мог.

Я сегодня был на открытии памятной доски и внимательно слушал все выступления. Боясь, создалась в каком-то смысле неправильная картина, оправдывающая непонятное поведение горьковчан. Андрей Дмитриевич, мол, был здесь в такой глухой осаде, что никак нам было к нему не прорваться. Что мы могли сделать? Хотя захватывай в горьковском гарнизоне танк и при на нем в Щербинки.

На самом деле, мне кажется, такая глухая облава шла на московских диссидентов. Вот их, действительно, старались не допускать и не допускали к Андрею Дмитриевичу, им трудно было прорваться.

Когда они отправлялись к Андрею Дмитриевичу в Горький, об их намерениях знали в Москве. Трудно удержаться и не сказать хотя бы двум самым близким друзьям: а вот я поеду к Андрею Дмитриевичу. Даже я знал, хотя и не являюсь профессиональным диссидентом, о том, что такой-то едет и такой-то едет...

А я первые три раза был по предварительному уговору, но заранее об этом никому не говорил.

Первый раз, правда, совершил ошибку. Не сообразил, что могу подвести моих хозяев. Я встретился с Андреем Дмитриевичем в конце конференции. Это произошло через два месяца после его высылки сюда. И потом устраивали конференции, по их словам, был «втык» и предупреждение, что если это еще раз повторится, не то москвичей не будут пускать, не то конференции вообще прикроют. После этого я никогда не приезжал сюда, чтобы повидать Андрея Дмитриевича, за казенный счет, а приезжал на свои во время отпуска и никого не подводил, и перед Горьким моя совесть чиста.

Так вот, максимум, что грозило большинству тех, кто посещал Андрея Дмитриевича или пытался посетить, по-моему, была отправка в Москву. И даже иногда бесплатно. Вряд ли такая мера пресечения могла угрожать жителям Горького.

Со мной было проще. Убедившись, что я не представитель, не эмиссар той или иной группы, а действительно старый университетский товарищ Андрея Дмитриевича, меня куда-то не отправили, и я уехал сам. А потом ни на улицах, ни в Зелёном Городе мне с ним никто общаться не мешал. Правда, фото- и киноплёнку расхаживали, не жалая. Мне кажется, и этот поздний урок имела в виду Елена Георгиевна, когда просила меня выступить в Горьком.

Я расскажу напоследок про удивительное пересечение двух разнесенных во времени и пространстве событий, о котором я не успел спросить Сахарова.

авторитет Миши как редактора был непререкаем.

Друзья М.Л. Левина попадали нередко в немилость всемогущей власти, их шельмовали в печати, арестовывали, судили, высылали, давали сроки. М.Л. Левин не только не сторонился тех, за кем велась слежка, кому угрожал арест, но старался, чем мог, облегчить положение людей, попавших в беду. Когда А.Д. Сахаров был выслан в Горький и там изолирован, М.Л. Левин, вопреки всем запретам, четыре раза навесил своего товарища. День и место встречи друзья устанавливали заранее. Оба они хорошо знали город. Их выслеживали, М.Л. Левина задерживали, проверяли документы, запугивали, но это его не останавливало...

1. Впервые опубликовано в газете «Русская мысль» (28 августа 1992 года).

Последний раз я разговаривал с Андреем Дмитриевичем 8 декабря, за шесть дней до его смерти. Грустный был день. Похороны замечательной женщины, адвоката Софьи Васильевны Каллистратовой, которая участвовала в процессах 60-х годов, и одновременно это была третья годовщина смерти Анатолия Марченко. Гражданская панихида проходила в коллегии адвокатов на Пушкинской, а отвечали ее в Общественном переулке, около метро Кропоткинская. Мы вместе ехали туда на машине и проезжали через район нашей общей юности.

В те давние времена нас дополнительно сблизало то, что мы жили в одном районе и иногда после факультативных курсов или семинаров вместе шли по Моховой до Никитских Ворот, разговаривая на разные темы. И тут, в машине, возникли студенческие воспоминания об этих местах, о том, что было в наше время. Речь, в частности, зашла о 110-й школе. И тут Андрей сказал, что начинается мифотворчество. Он в 110-й московской школе учился не очень долго и толком мало кого знал и помнил. Но уже какие-то старые ученики этой школы рассказывали, какой гениальный ученик был Андрей Сахаров, и как все преподаватели на него молились, и как все девочки им восхищались, и как все мальчики ему завидовали.

Так что он меня вроде предупредил, чтобы я не занимался мифотворчеством, и я, по-моему, от этого удержался.

До войны нас в университете очень серьезно учили астрономии. Сейчас ее на физфаке совсем не преподают, а у нас читали курс, велись семинарские занятия, и мы отработывали практику в институте Штернберга, и вел ее у нас замечательный наблюдатель (потом он уехал в Пулково), Митрофан Степанович Зверев. А работа на телескопе зависит от погоды.

Сидели мы в обсерватории довольно долго, ждали, когда небо станет ясным, и как-то одна из наших девочек пожаловалась, что никак не может запомнить порядок спектральных классов Дрэпера по температуре. Они идут в таком порядке — О, В, А, F, G, K, M, N. Запомнить трудно, а экзаменаторы требуют. Зверев сказал, что есть ключевые фразы, мнемонические слова, тогда этим очень увлекались. У нас даже по истории партии были ключевые слова. Вот у англичан есть очень хорошая фраза для того, чтобы запомнить эти спектральные классы: O Be A Fine Girl Kiss Me Now. А когда Зверев учился в университете в начале двадцатых годов, у них была еще лучше фраза, правда, не очень осмысленная, но зато в ней одно слово содержит подряд три нужные буквы: O Боже, Афганистан! Куда Мы Несемся? И вот вечером 8 декабря, возвращаясь домой, я вдруг вспомнил эту ключевую фразу, получившую сорок лет спустя безнадежно ясный смысл, тесно связанный с высылкой Андрея Дмитриевича в Горький...

Благодарим за помощь в подготовке материала академика РАН Александра Литвака. Полностью см. на сайте ТРВ-Наука.

1. По материалам книги «Михаил Львович Левин. Жизнь, воспоминания, творчество» (Н. Новгород: ИПФ РАН, 1998). ipfran.ru/institute/news/2021-01-28-100-years-of-levin

2. Цит. по: см. [1].

3. Цит. по: см. [1]. В самом сборнике дается такая ссылка: «Текст печатается по книге „Андрей Дмитриевич. Воспоминания о Сахарове“ (М.: ТЕРРА, „Книжное обозрение“, 1991)».

Ученый, человек, друг

Борис Болотовский, профессор, доктор физ.-мат. наук, гл. науч. сотр. ФИАН (Москва):

...Он был хорошим физиком. Но и здесь его удивительные человеческие качества существенно определили особенности его научной работы. Он был начисто лишен авторского самолюбия, его не волновали приоритетные споры, и он никогда не отстаивал своего первенства. Он был полностью удовлетворен, если находил решение сложной физической проблемы, и для него на первом месте было то, что он нашел решение, разобрался и понял, а признание со стороны ему было более или менее безразлично. Еще более он бывал удовлетворен, когда своими советами открывал глаза физикам,

приходившим к нему со своими затруднениями.

Он прекрасно знал научную классику — работы Фарадея, Рэлея, Максвелла, Гамильтона, Кирхгофа, Гельмгольца. Из современных исследователей мало кто знает классику (почти никто ее не знает), и нередко бывает так, что это незнание заставляет повторять (иногда на более низком уровне) то, что уже давно сделано, изобретать давно уже изобретенный велосипед.

Знания М.Л. Левина избавляли его и многих других от этой лишней работы. Кстати сказать, под его редакцией был издан впервые в полном переводе на русский язык знаменитый «Трактат об электричестве и магнетизме» Максвелла. Бригада переводчиков состояла из четырех человек, М.Л. Левин был «верховным редактором». Как член бригады переводчиков, могу сказать, что

Михаил Левин с семьей. 1970-е годы

Слово о юбиляре

Илья Смирнов, директор Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ:

Эти заметки написаны для очередного выпуска «Истории и культуры Японии»; может быть, найдут их небезыntenерными и читатели ТрВ. Дело в том, что инициатором этого замечательного издания был — и остается его неизменным ответственным редактором — Александр Николаевич Мещеряков, которому в феврале 2021 года исполняется 70 лет, а коллеги собираются поднести весомый том в подарок юбиляру.

Нужно признаться, что идея преподнести человеку ко дню рождения результат, в значительной мере, его собственных трудов кажется мне весьма сомнительной, но, как пелось в старинной песне, дорог не подарок — дорога любовь. Вот о любви, воспользовавшись случаем, и поговорим.

В конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века всё отечественное востоковедение не сказать чтобы процветало: десятилетия жестоких гонений в 1930–1940-е годы, при самом прочном научном фундаменте, не могли не сказаться; исследовательский уровень и, соответственно, качество подготовки молодых ученых неуклонно снижались; старшее поколение покидало научное поприще.

Японистика теряла свои позиции как-то особенно зримо. Это научное направление возникло в России позже главнейших — китаеведения, арабистики, тюркологии, иранистики; устойчивая традиция едва складывалась стараниями Н.И. Конрада и его учеников, но сам мэтр, увлекшись идеей «вос-

Илья Смирнов

объявил о конференции японистов, начал скликать москвичей и питерцев, провинциальных ученых. Постепенно жизнь в японистике сначала затеплилась, потом разгорелась ровным, устойчивым научным пламенем, столь плодотворным для всякой науки. С той поры превосходный ученый сделался прекрасным организатором; потом, когда в нашем тогдашнем Институте восточных культур и античности возникла программа по Японии и появились студенты-японисты, — удивительным преподавателем, наставником, заботливым отцом-командиром. При всех этих невероятных заботах А. Н. не

Японистика по зову сердца: Александру Мещерякову — 70

7 февраля 2021 года исполнилось 70 лет замечательному японисту, историку, популяризатору науки, лауреату премии «Просветитель» и другу нашей редакции Александру Мещерякову. Публикуем поступившие в редакцию отклики.

Александр Мещеряков. Фото И. Соловья

пишу-то я не «объективку» для отдела кадров, не приснопамятную характеристику для выезда за границы социалистической родины.

Делателя легко судить и осуждать, он уязвим: непременно совершит промах; вольно или невольно поступит иначе, чем от него ждали; чей-то этический максимализм окажется уязвленным — свободное дело, как говорил Андрей Платонов.

Но я-то, как и обещал в начале этих заметок, говорю о любви; ее А. Н. достоин, как мало кто, а всё прочее, словно горчащая приправа, придает этому чувству завершенную полноту.

Японистика как наука и род деятельности, японисты как сообщество благородных профессионалов, при всей разности устремлений и мнений, возраста и статуса, уверен, согласятся со мной.

И не только японисты. Весь наш Институт классического Востока и античности НИУ ВШЭ, как прежний ИВКА РГГУ, ощущает важность присутствия в своих стенах Александра Николаевича Мещерякова: человека, ученого, преподавателя, — и быть по сему еще многие лета.

А что до пожелания юбиляру, то лучшего, чем совет Конфуция «после семидесяти следовать желаниям сердца, но не преступать меры», на мой китайский вкус, и не придумать.

Учителю — 70

Анна Оськина, преподаватель ИКВИА ВШЭ:

Александр Николаевич всегда повторяет: «Невозможно чему-то научить, можно только научиться». Раз так, то у Мещерякова научилось не одно поколение японистов. Чему? — спросите. Да многому: жить, думать, любить свое дело, быть честным, быть стойким. В этот день хочется пожелать Учителю крепкого здоровья, хороших учеников, крепкого вина и добрых друзей рядом!

Степан Родин, канд. ист. наук., доцент ИКВИА ВШЭ:

В своей последней на данный момент научной монографии «Остаться японцем: Янагита Кунио и его команда...» Александр Николаевич, помимо прочего, описывает празднование аналогичного юбилея «отца японской этнологии» в 1944 году. Среди подарков юбиляру выделялись трость с набалдашником из буйволиного рога и 300 листов писчей бумаги. Трость, видимо, должна была стать физической опорой для пожилого Янагиты, а вот дефицитная бумага, которой он по-настоящему обрадовался, не просто позволила ему продолжить заниматься своим любимым делом — сочинением текстов — в более комфортных условиях, но и в каком-то плане послужила поддержкой для его учеников и последователей, вдохновлявшихся работами учителя и продолжавших его дело.

На бумаге сейчас уже почти никто не пишет, а компьютер, использующийся преимущественно как печатная машинка со встроенной функцией отправки и получения корреспонденции, у А. Н. работает исправно, и что дарить тому, кто в своих книгах описывает огромное множество разнообразнейших явлений и вещей, но как будто ни в каких вещах не нуждается, — боль-

шой вопрос. Если не вещи — то слова и дела, и данный радостный повод хочется использовать, чтобы вспомнить о сказанном, написанном и сделанном.

К «сказанному» можно отнести открытые публичные и камерные университетские лекции, поэтические чтения, разговоры в курилках и на кухне, телевизионные выступления и эфиры на радио. Слушать А.Н. всегда чрезвычайно интересно, и не важно, идет ли речь об узкопрофессиональных вещах, касающихся, например, функционирования японского государства в VIII столетии, или же о делах повседневных, вроде похода в магазин или прогулки с собакой.

На церемонии вручения ордена Восходящего солнца

Острота зрения наблюдателя, живой ум, научный и литературный дар, неизменное желание понять суть даже самых, казалось бы, обычных вещей и увидеть их в новом свете придают рассказам А. Н. удивительную глубину и очарование. За почти 16 лет, прошедших со времени, когда я впервые побывал на лекции учителя, мне не раз доводилось слышать от самых разных людей, что их последовательное увлечение Японией началось после того, как они услышали выступление А. Н. или прочли его работы.

А. Н. доводилось выступать и в маленьких аудиториях, и в больших залах, и среди учеников, и в не самой комфортной для учебного обстановке, но, как только он берет слово, что-то меняется даже в самой напряженной атмосфере. В связи с этим мне особенно хорошо запомнился эфир одной телепередачи, посвященной трагедии на АЭС «Фукусима». Гости студии долго о чем-то напряженно спорили, срываясь на крики и переходя чуть ли не к личным оскорблениям. В полемическом задоре, наверное, нет ничего дурного, однако пена у рта, с которой иногда пытаются доказывать собственную правоту, делает слова неразборчивыми для слушателя, а яростность аргументов застилает глаза и мешает видеть проблему.

А. Н. никогда не говорит нарочито громко, и его манера речи — вдумчивая, с паузами и аккуратно прилаженными словами — не похожа на речь телевизионного диктора, однако его слушают и к нему прислушиваются. В тот вечер, как только микрофон передали А. Н., шум и крики стихли, а нездоровое напряжение, повисшее в студии, сменилось на более спокойную атмосферу, располагающую не к разговору о «себе» и «своей» правоте, а о сути проблемы, и всё происходящее приобрело какое-то человеческое измерение.

Думаю, А. Н. так интересно слушать в том числе и потому, что сам учитель, несмотря на все прочитанные книги, изученные вопросы, огромный и разноплановый жизненный опыт, не пресытился знаниями, не утратил любопытства, терпения и внимания к деталям, что позволяет ему подмечать недоступное иному взору. Рассказывая истории, А. Н. говорит не о себе, а о мире вокруг и удивительных, порой чудачливых, людях, его населяющих, и за его рассказами читается огромное желание поделиться своими наблюдениями.

Вкупе с литературным талантом и личным обаянием это делает А. Н. великолепным рассказчиком, замечательным ученым и лучшим учителем, которого только можно пожелать. «We teach by our presence», — любит повторять ▶

На церемонии вручения ордена Восходящего солнца

точного Ренессанса», почти оставил японские штудии, так и не превзойдя себя самого образца 1920-х годов.

Невероятный экономический взлет Японии после войны, вместе с мировой славой японской культуры — классической и новой литературы, кинематографа, архитектуры и промышленного дизайна, искусства составления букетов и выращивания карликовых деревьев, сам уклад тамошней жизни, в которой сплелись национальное и всемирное, — всё рождает горячий интерес к далеким островам.

В 1960–1970-е годы от желающих учить японский язык отбоя не было. Только поехать, как это называлось в достославном московском Институте восточных языков при МГУ, в «страну изучаемого языка» удавалось немногим и по большим праздникам, вроде ЭКС-ПО-70. В конце 1980-х отправиться в Японию стало несравненно легче; в начале 1990-х мог поехать каждый, кто хотел, — российская японистика зримо обезлюдела.

Именно тогда в реальном или кажущемся научно-японистическом безлюдье Александр Николаевич вышел на дорогу общественного служения: до той поры известный японист, он вдруг (или это не слишком пронизательным наблюдателям вроде меня показалось, что «вдруг»)

успевал исследовать разнообразные японские сюжеты: с завидной непринужденностью переходил от баснословной древности «Кодзики» и «Нихон сёки» к современности эпохи Мэйдзи, Второй мировой войне и т. д.; упорно переводил старинные тексты и новейшие сочинения японских писателей; выступал с популярными лекциями о Японии — думаю, мало кто рекрутировал в японистику такое количество молодежи или заинтересовал тянущихся к знанию обывателей культуры островной империи.

Нельзя не сказать и о собственном творчестве А. Н.: он автор нескольких стихотворных сборников, романов, воспоминаний; последние мне, как прожившему ту же эпоху и примерно в тех же обстоятельствах, кажутся особенно замечательными по точности характеристик времени и людей, по несентиментальной поэтичности, зоркости взгляда, даже снисходительности к человеческим слабостям.

Кстати (вернее, некстати), о слабостях. Кому-то наверняка покажется идеализированным набросанный мною *currente calamo* портрет Александра Николаевича. Что тут скажешь? Как всякий человек, А. Н. не лишен слабостей; но

Степан Родин

Анна Оськина

«Главные свойства ученого — это усидчивость, трудолюбие и любопытство. И в этом деле меня многому научили японцы»

Выступление А. Н. Мещерякова на церемонии вручения ордена 16 декабря 2020 года

Я бесконечно благодарен за оказанную мне высокую честь. Возвращение туда, где был когда-то счастлив, далеко не всегда бывает счастливым. Но в моем случае это вовсе не так. Пять лет назад, 10 ноября 2015 года, в этом же зале мне вручили грамоту Министерства иностранных дел Японии, а сегодня я удостоился другой чести и стал орденосцем. Я расцениваю этот орден как признание заслуг всей отечественной японистики, которая внесла большой вклад в большое дело — лучшее понимание друг друга.

В Токугавской Японии к браку по любви относились отрицательно, поскольку видели в страстном чувстве разрушительную для общества силу. В то время семейную судьбу молодых людей обычно определяли родители. Они учили молодого человека поступать так: ты сначала женись, а потом уже полюби. Приблизительно так у меня и вышло с Японией: мало зная об этой стране и ее обитателях в школе, я сначала поступил на японское отделение в Институте восточных языков, а потом уже Японию полюбил. И любовь получилась счастливой, никакими другими языками я овладеть не стал. Кажется, что и Япония тоже ответила на мои чувства.

Главные свойства ученого — это усидчивость, трудолюбие и любопытство. И в этом деле меня многому научили японцы. Только что вышла моя книга про основателя японской этнологии Янагиту Кунио. Я далеко не всегда согласен с его выводами, но по-человечески мне многое симпатично в этом противоречивом человеке. Сразу после окончания войны обстановка в Японии была нервной, жизнь — впроголодь; табака, до которого Янагита был большой любитель, — кот наплакал. Но уже ровно через неделю после окончания войны Янагита возобновил свои домашние семинары и сделал доклад не про то, как разжить едой и сигаретами, а про историю хайку.

Янагита и его гости насыщали себя поэзией. Уже в самом конце своей долгой жизни, будучи глубоким стариком и пребывая не в самой лучшей физической форме, в последней главке своей последней книги «Морской путь» («Кайдзё-но мити») он составил перечень тех вопросов, на которые хотел бы получить ответ в будущем. В их числе — роль моря в культурных контактах, жизнь дельфинов и обитающих на дальних островах мышей... А это означает, резюмировал Янагита, что впереди у меня еще много радости — радости познания. Последняя фраза книги: «Помимо этого, мне хочется узнать очень много, но я ограничился только несколькими пунктами». Любознательность, достойная восхищения и подражания.

У меня скопилось тоже не так мало вопросов, которые я хотел бы прояснить. На поиск ответов у меня остается уже не так много жизненного времени. В этом отношении я возлагаю надежды на своих более молодых коллег и учеников.

Когда играют в футбол Россия с Японией, за кого мне болеть? Конечно, лучший итог — ничья. Но если Россия проиграет, можно порадоваться за Японию. И наоборот. В любом случае я не остаюсь в проигрыше. Правильно устроить свою жизнь — большая удача. Я считаю, что она улыбнулась мне.

Еще раз сердечно благодарю за оказанную мне честь.

▶ А. Н., и это можно, наверное, считать его преподавательским девизом; и учит он смотреть не на себя, а вместе с ним на мир вокруг. Даже такая личная книга А. Н., как «Остается добавить», хотя и напоминает по форме автобиографию, но по ней заметно, что в зеркало смотреться ее автору не очень интересно.

«Видеть и быть невидимым — не об этом ли мечтали дальневосточные мудрецы?» — пишет Александр Николаевич во вступлении к «Запискам дачного человека», снижая высокий пафос фразы тем, что помещает наблюдателя в дачное отхожее место. Высокое и низкое, комическое и трагическое, практическое и теоретическое — всему этому есть место в жизни, и всё это одновременно может присутствовать и в научных работах А. Н., в которых ему удается быть «невидимым» лишь отчасти.

Наблюдение предполагает наблюдателя, равнодушие которого не позволяет объектам описания превратиться в засохшие пятна краски на страницах книг, а оживляет их. Для художественной прозы это безусловный плюс, но и для научных и научно-популярных работ подобный эмоционально-заряженный подход доказывает свою состоятельность при соблюдении научных принципов, работе с источниками, тщательной выверке фактов и способности признать право на мнение, отличное от собственного. Такие книги, как «Император Мэйдзи и его Япония», «Быть японцем: история, поэтика и сценария японского тоталитаризма» или, например, «Остается японцем: Янагита Кунио и его команда», являются, на мой взгляд, примерами научных монографий подобного рода. У А. Н. есть дар впечатляться и сообщать интерес другим, в том числе через научные и научно-популярные работы, и доказательством тому может служить присуждение ему премии с говорящим названием «Просветитель».

В прошлом году стало известно о присуждении А. Н. ордена Восходящего солнца — наверное, высшей почести, которую японское государство способно оказать иностранному ученому, и 16 декабря 2020 года А. Н. этот орден вручили. Посол Японии г-н Тоёхиса Кодзуки тогда отметил, что столь высокой награды удостоиваются не единичные достижения — она вручается по итогам длительной и последовательной работы.

На днях у А. Н. Мещерякова вышла совсем ненаучная книга заметок и наблюдений «Записки предпоследнего возраста (читателям 60+)», само название которой говорит о некоторой сумме предыдущего опыта. 7 февраля 2021 года учителю исполнилось 70, и юбилей — это, безусловно, повод подводить итоги — но лишь промежуточные, а возраст если и можно назвать «предпоследним», то лишь в литературных целях. В 21-й статье 12-го закона древнеяпонского свода «Тайхорё» сказано, что чиновники, достигшие 70-летнего возраста, имеют право «выпрашивать кости» (骸骨を乞う, *гайкоцу-о коу*) — подавать прошение об отставке в силу возраста. Думаю, будь А. Н. древнеяпонским чиновником, ни один император подобного звания от него бы не принял. ◆

Наука и политика

Борис Жуйков, докт. хим. наук (Институт ядерных исследований РАН)

З а последнее время жизнь политизировалась. Наука и политика тесно взаимодействуют. Я не хочу сейчас обсуждать собственно политическую науку. В этой области работает достаточно хороших профессионалов, хотя всё же создается впечатление, что этой науке не хватает строгости суждений и корректных количественных оценок; зачастую уровень доказательности, используемый политологами и политиками, таков, что в любой другой области серьезной науки не мог бы быть приемлемым.

Но я сейчас о другом. Хотим мы этого или нет, нормально это или ненормально — любая область науки очень сильно зависит от политики: это действительность. И если политические структуры работают плохо, то на науку это здорово отражается.

Вот, скажем, как вообще в нашей стране определяются важнейшие направления развития науки, которые должны поддерживаться государством? В нормальных странах решающим голосом в этом деле является мнение наиболее известных и уважаемых ученых, реальных специалистов в своей области. А у нас? «Нет, вы, товарищи ученые, конечно, можете советовать, но окончательное решение — не за вами». А за кем? У нас основные направления определяются госчиновниками, которые если и имеют отношение к науке, то весьма отдаленное. Может, это какая-то ошибка, которую просто исправить? Нет, это не ошибка. Это абсолютно логическое следствие «государственной вертикали» — политической системы, выстроенной в России.

В 2013 году Российская академия наук, существующая уже почти 300 лет, была ликвидирована как независимая организация, управляющая наукой. Остался некий клуб ученых. Да, такие клубы существуют и в развитых странах, но там есть иные структуры, где мнение ученых — решающее при определении направления исследований. У нас таких структур больше нет. А до этого РАН раздражала власти не вполне согласованными или вообще независимыми решениями. Как же они смеют, получая от нас деньги, — рассуждают госчиновники. Так в том-то и дело, что эти деньги — вовсе не чиновников, это деньги общества. Общество во всех странах вливает деньги в древо науки, не зная, на какой ветви вырастет плод, но доверяя ученым. Это не значит, что деньги можно давать кому угодно. Не кому угодно, а наиболее интересным и перспективным направлениям. А что есть перспективно — должно определяться самими учеными.

А какая разница — учеными или бюрократами? — могут меня спросить. Разница огромная. У чиновников свои интересы и свое представление о прекрасном. Вот, например, военная наука — это пожалуйста, на это деньги дают охотно. Это, по возвращенным понятиям, способствует величию государства. Еще говорят, что многие важные научные достижения выросли из военной тематики. Но говорить можно что угодно. Есть количественные расчеты, показывающие, что прямое вложение денег в науку без военной примочки оказывается примерно в семь раз эффективнее.

Вообще, если считать, а не просто говорить, то интересные дела получа-

Борис Жуйков

ются, многие мифы развеиваются. Скажем, ядерный щит страны. Как угроза, чтобы с тобой как-то считались в военном отношении, — это еще как-то понятно. Но ядерный паритет! Это вообще бессмыслица. Еще в 1990-х годах достаточно корректно было посчитано, что даже при отсутствии ответного удара нападающая сторона нанесет себе совершенно недопустимый ущерб (ядерная зима, радиоактивное заражение, глобальное нарушение коммуникаций). Ан нет, на эту химеру средства находятся, и на исследования деньги не жалеют.

А космос, ракетная программа? Большая часть спутников в Советском Союзе запускалась в военных целях. Наша знаменитая ракета «Восток» (P-7), вознесшая Гагарина, создавалась на основе технологий немецкой «Фау-2» и предназначалась в первую очередь для ядерного удара на большие расстояния.

Вот если бы все эти средства и силы замечательных ученых были брошены действительно на освоение космического пространства, как это было в абсолютно фантастических романах Стругацких! Фантастических — потому что они рассчитывали на человеческий разум, а не на реально существующую политику, определяемую чиновничьими амбициями.

К сожалению, в России многое делается вовсе не для достижения конкретных научных целей, а чтобы кому-то доказать, что мы великие, «поднять престиж страны». Но как-то, судя по числу нобелевских лауреатов в России за последнее время, престиж нашей науки не особенно поднимается. Ну ничего, объявим, что присуждение Нобелевской премии ангажировано и у нас всё украли...

Теперь — новое время и новые химеры. Генная инженерия для контроля над человеком, кибератаки по всему миру. Мол, все так делается. Крайне сомнительный аргумент: и глупо, и вредно, и не нужно, и не получится. Или научные исследования для освоения Крайнего Севера. Отличное направление, если бы оно развивалось не ради реализации каких-то геополитических фантазий или захвата территорий для добычи нефти и газа.

Есть и очень простые мотивации у чиновников, без «великих» идей о доминировании по всему миру. Не секрет, что большие средства получают деятели науки, которые аффилированы с властью и друзьями власти. Именно так — сначала они были аффилированы, а уже потом стали выдающимися учеными, получающими большое финансирование. То, о чем я пишу, я знаю по вполне конкретным примерам, с которыми мне пришлось столкнуться. Так и говорят: «Ничего не могу сделать, у меня есть обязанности перед людьми из министерства».

Народ, конечно, хотел бы деталей. Но это уже другой вид деятельности — разоблачение коррупции. Этот вид деятельности в нашей стране совершенно несовместим с эффективной профессиональной работой по своему научному направлению, особенно экспериментальной работой (теоретикам проще). Дело не столько в прямых рисках для деятельности, сколько в том, что потребуются громадные усилия и время, чтобы достаточно аргументированно всё доказать. Вот такие у нас реалии, и опять

они не случайны. Ведь когда облагодетельствуют друзей и родственников — это тоже часть «государственной» вертикали, политической системы. А иначе — на кого же опереться, как добиться полной лояльности, как управлять?

Мы, ученые, являемся практически заложниками политики по многим направлениям. Любому серьезному ученому знает, что его научные исследования не смогут развиваться без широкого международного сотрудничества. В то же время антизападные тенденции в нашей политике вполне понятны и осознаны. Сейчас международное сотрудничество всячески ограничивается. И налогоплательщики из развитых стран вовсе не горят желанием направлять свои деньги в страну, которая им угрожает. Все понимают, что российские исследователи — не политики, но деньги, как было в 1990-е, не дают: нет уверенности, что часть этих денег не будет использоваться по совсем иному направлению, нежели предполагалось иностранными партнерами. Я слышал непосредственно от западных коллег: вы ведь теперь богатые — спортивные клубы, яхты покупаете, дворцы строите. А в международных проектах роль российских ученых соразмерна финансовому вкладу, то есть весьма скромная. Дает государство на это много не дает.

Теперь об экспертизе российских проектов. Это большая тема. Во-первых, что бы эксперты ни посоветовали, окончательное решение принимается чиновниками исходя из их собственных соображений. В результате на действительно перспективные вещи есть шанс получить лишь небольшое финансирование — так, для разнообразия. А большие деньги уходят чаще всего в никуда. Во-вторых, подбор экспертов. Отечественные эксперты часто ангажированы. Вот тут бы привлечь иностранных специалистов, с которыми эта проблема тоже существует, но в гораздо меньшей степени. Но нет, привлечение иностранных экспертов для российских проектов — крайне редкие случаи. Они же враги, по разумению власти, и только и думают о том, чтобы задушить нашу науку. Тупик при данной политической системе, где чиновники контролируются только чиновниками выше, а те несменяемы в результате демократических процедур, разве что — в результате конфликта интересов «башен».

То, что ученые всё чаще начинают сажать за разглашение государственной тайны, тоже результат политических установок. При этом секретным у нас можно объявить практически всё. А какой широкий простор теперь по этой новой линии — «иностранцы — агенты!» Если ты сотрудничаешь по своей науке с иностранцами и получаешь хоть какие-то деньги на эти исследования, ты уже можешь стать «иностранным агентом», вне зависимости от того, чем ты занимаешься. Со всеми вытекающими последствиями.

Что из этого всего следует? Из этого следует, что если мы хотим нормально и эффективно заниматься своей профессиональной научной деятельностью, то мы должны влезать в это неприятное дело — политику. Либо уезжать. ◆

t.me/sciencypolicy/14394

Евгений Сжёнов
и Михаил Гельфанд

О центре и телеграм-канале «Научно-образовательная политика»

— Для начала я должен поблагодарить вас за пожертвование газете. Почему вы решили это сделать?

— Я считаю, что работа просветителей в образовании и науке очень важна. Нашу команду часто спрашивают, почему мы так диаметрально против того, что делает, в частности, «Диссернет» или некоторые другие команды. Мы всегда отвечаем, что нет, мы не против, просто наши подходы немного разнятся: мы тоже заинтересованы в том, чтобы в России развивалась наука, чтобы в стране были хорошие ученые, чтобы не стыдно было сказать, что я работаю в таком-то университете.

Наша команда заинтересована в том, чтобы российские вузы укреплялись, в том числе укреплялись в диалоге с большими учеными из академических институтов. Мы часто об этом говорим, и одна из наших идей — делать так, чтобы в российские университеты приходило больше хороших ученых, чтобы там они лучше зарабатывали, чтобы у них были лучшие условия для работы, а также чтобы у них были прочные отношения с зарубежными учеными и меньше преград при диалоге с ними.

Это же касается и диалога с РАН как с ведущей экспертной научной площадкой. В то же время мы не согласны с тем, что всё в университете автоматически плохо, если у ректора не совсем хорошая диссертация. Это одна из причин, почему я захотел с вами встретиться на площадке газеты, — рассказать о нашей позиции. Мы считаем, что поддержка просветительской деятельности может быть разной — и это совершенно не значит, что она неправильна у вас или у нас. Я считаю, что у нас гораздо больше общего и точек пересечения, в контексте которых мы могли бы поддерживать друг друга.

— Я действительно хотел поговорить о «Диссернете», но это ближе к концу. Сначала давайте поговорим о вашем центре научно-образовательной политики. Какой вы видите миссию центра?

— Сфера деятельности экспертно-аналитического центра — это действительно научно-образовательная политика. «Экспертного» потому, что там действительно большое количество экспертов, которые, в первую очередь, разбираются с системой управления высшей школой, гораздо в меньшей степени — наукой. «Аналитического» — потому, что наш экспертный центр, который не на виду, ведет довольно много практических проектов. Это касается и программ развития университета, и отдельных федеральных проектов, и публично-го диалога о будущих задачах системы высшей школы, о ее развитии. Это то, что может быть в большей степени

видно: различные форумы, публичные дискуссии, эфиры, которые мы делаем, диалоги с представителями власти, с экспертами по самым различным направлениям: от молодежной политики до системы управления высшей школой ректорами, чиновниками, иногда учеными...

Наша работа во многом альтруистическая, основанная на энтузиазме. Мы — эксперты, которые искренне хотят, чтобы наша система взаимодействия высшей школы с учеными — в том числе и с теми, которые заняты в системе РАН, — работала эффективнее. Те коммуникационные форматы, которые мы выбираем, кажутся нам довольно эффективными и честными: в публичном диалоге обсуждаются какие-то проблемы.

— Ваши коммуникационные форматы включают и телеграм-канал [1]. Там вы писали, что при опросе представителей элиты научно-образовательной сферы выяснилось, что 95% опрошенных используют телеграм-каналы как основной источник тематической информации. У вас на канале 21 тыс. подписчиков. Считаете ли вы «Телеграм» важным источником информации для людей, принимающих решения?

— Да, я считаю, что это не единственный, но один из ключевых источников ежедневной оперативной информации. Чиновники и разные большие руководители — возьмем ректора университета — это люди, находящиеся в движении, и смотреть телевизор у них зачастую нет времени.

— С другой стороны, если проводить опрос в телеграм-канале, то ясно, что те, кто отвечают, пользуются этим мессенджером...

— Мы не претендуем на то, что наши сведения единственно верны, но точно такой же опрос проводила команда Софии Малявиной, которая поддерживает нацпроекты. Наши данные коррелируют.

— То есть вы считаете разумным, с точки зрения общественного устройства, телеграм-канал как основной источник информации для принятия государственных решений, при том что телеграм-каналы — вещь довольно закрытая, большинство из них анонимные. Хорошо ли, что они являются источником принятия решений?

— Я не считаю, что телеграм-каналы — основные источники для принятия решений. Я считаю их довольно объективными, простыми и удобными площадками для того, чтобы получить разную информацию. Например, один и тот же руководитель может зайти в телеграм-канал «Троицкого варианта», Минобрнауки, «Научно-образовательной политики»...

— Каналы, которые вы перечислили, известны чьи, но многие телеграм-каналы анонимны и при этом влиятельны.

— Это одновременно и простой, и сложный вопрос. Если отвечать однозначно, я не думаю, что это хорошо. Но это закономерно, и это действительно так.

«У нас нет сотрудников, у нас есть энтузиасты»

Интервью с Евгением Сжёновым, научным руководителем экспертно-аналитического центра «Научно-образовательная политика». Беседовал Михаил Гельфанд. Интервью публикуется в рамках краудфандинга.

— Теперь можно немножко про команду? Сколько в вашем центре постоянных сотрудников?

— У нас нет сотрудников, у нас есть энтузиасты, такие же, как я, и их — порядка двухсот человек.

— И зарплату никто не получает?

— Сотрудники, которые у нас работают, — это действующие ректоры, действующие проректоры...

— Действующие ректоры и проректоры — это люди, которые с вами сотрудничают. А есть ли постоянные сотрудники на ставку?

— У нас все добровольцы, включая меня. У нас нет штатного расписания.

— И нет бюджета?

— Нет. У нас есть проекты, в которые нашу команду как экспертный центр зовут поучаствовать. Это может быть создание временных коллективов.

— Опять же, если не секрет: если считать эти временные коллективы, то какое в среднем в год получает финансирование на этих разовых экспертных заказах?

— Знаете, то, что мы делаем, на 90% вообще никак не касается денег. Финансовые вопросы стоят у нас не на первом месте...

— Хорошо, это стоило прояснить — такой вопрос автоматически возникает у каждого читателя. Записали, что команда состоит из добровольцев; постоянных сотрудников нет.

— Основная часть команды работает бесплатно и не претендует на материальное вознаграждение.

— Тогда немножко про команду. Я посмотрел, кого вы упоминали за последние месяцы. Если говорить про ректоров, то набор не очень большой. Если посмотреть, кто появляется больше одного раза, то можно насчитать с дюжину человек: МИРЭА, МИСиС, РГСУ, РУДН, Химико-технологический, Дальневосточный, УрФУ... Насколько разнообразны те точки зрения, которые вы представляете?

— Список конкретных руководителей университетов, чиновников или ученых значительно шире. В то же время те коллеги, которых вы назвали, — наши партнеры и друзья, а также мои личные друзья. Телеграм-канал — это такая история, когда ты не ограничен, в том числе, в плане поддержки своих друзей. Я в этом смысле свою позицию не скрываю.

Конечно, количество университетов недостаточно, и мы над этим работаем. Лично мне не нравится, что у нас в недостаточной степени представлены в диалоге академические институты.

— Институт системного программирования появлялся несколько раз, а других я не увидел.

— Мы регулярно анализируем высказывания, цитаты и выступления самых разных академиков РАН, возглавляющих разные институты, в прямом диалоге с нами. Более того, мы регулярно стараемся анализировать комментарии президента РАН и разных лиц из Президиума РАН, включая вице-президента Алексея Ремовича Хохлова. Мы стараемся делать это объективно. Если у нас есть вопросы, то мы обращаемся к пресс-службе РАН и уточняем информацию у коллег.

— Вы говорили, что стараетесь представлять разные точки зрения. Если посмотреть на критические высказывания на канале, то было несколько историй о дистанционном обучении в разных вузах, где вы представляли точку зрения и студентов, и ректора-

та, но других сколько-нибудь критических материалов я не увидел.

— Телеграм-канал «Научно-образовательная политика» изначально создавался как канал, где публикуются материалы для трех, пяти, десяти, ста читателей. Эти материалы понимают по-разному. Наверное, вы говорите о прямой критике: «Вы не правы». Мы часто пишем не прямым текстом «вы не правы», а, например, описываем какой-то сценарий, который де-факто отличается от принятого сценария. Я знаю десятки примеров, когда такая мягкая критика, которую многие, может быть, и не заметили, была услышана на самых разных уровнях принятия решений, начиная от руководства школы и заканчивая руководством системы образования.

— Не приведете пример такой истории?

— Вы знаете, мы последовательно обсуждаем важность системы дополнительного образования, особенно сейчас, в период пандемии. Мы считаем, что дополнительное образование — довольно эффективный инструмент для того, чтобы человек, который попал в сложную ситуацию и у которого не хватает квалификации, компетенции, смог справиться. Не все и не всегда в системе, принимающей решения, в том числе Минобрнауки, с нами согласны. Мы прямо писали, что было принято решение, и мы считаем, что оно неправильное. Более того, на разные публичные мероприятия с участием министра и заместителя министра приглашали не нас, образовательных экспертов, а коллег, которые непосредственно работают в университете, — ректоров, ученых, преподавателей. Они высказывались и публично на разных форумах, и в телеграм-каналах. Я надеюсь, что какие-то из наших советов были услышаны и повлияли на те решения, которые были приняты в рамках реализации федерального проекта, которые касаются дополнительного профессионального образования, в рамках реализации национального проекта «Образование».

Об актуальных проблемах.

1. Объединение РФФИ и РНФ

— Осенью и зимой случились три большие истории, которые интенсивно обсуждались. Первая — это объединение РФФИ и РНФ. Вы писали, что Клуб «1 июля» возмущается напрасно, потому что объединение давно обсуждалось, в том числе и с руководством Академии. Это противоречит тому, что я видел: членов Президиума РАН спрашивали, что происходит с РФФИ, а они отвечали, что не знают — с ними никто не советуется. На какой площадке происходили контакты, которые вы упоминали у себя на канале, кто в них участвовал со стороны Академии?

— Мы писали об этом, если не ошибаюсь, когда всё произошло. Писали на волне массовой дискуссии на разных площадках, в которой участвовали самые разные люди. Писали о том, что решение правительства уже принято и есть смысл не рассуждать о неправильности решения, а попробовать достичь конструктивного диалога, чтобы хорошие наработки из обоих фондов не были потеряны, чтобы были услышаны разные мнения.

— Вы считаете неправильным критиковать уже принятые решения?

— В данном случае я считаю, что критика в формате «это неправильное решение» — неуместна, а правильно — сесть за стол переговоров и попробовать отстоять то, что было наработано в РФФИ, чтобы оно не пропало.

— Вы писали, что правительство в лице Минобрнауки, министра и его заместителя, руководителей департаментов не раз обсуждали предстоящие трансформации с Академией наук. Где и с кем происходили эти обсуждения?

— Я помню, что либо сразу перед объединением, либо сразу после (точно не возьмусь сказать) была встреча у министра Валерия Фалькова с участием разных сторон. Я знаю, что руководство Минобрнауки регулярно проводит подобные встречи... Я знаю, что этот вопрос обсуждался на самых разных уровнях, — это тот факт, который мы зафиксировали.

Об актуальных проблемах.

2. Реорганизация науки

— Вторая история — письмо Михаила Ковальчука с предложением реорганизации российской науки. Вы писали: «На сегодняшний день весь имеющийся расклад говорит о том, что мы имеем дело с командной работой Михаила Ковальчука, Александра Сергеева и Валерия Фалькова по улучшению системы научной политики России. <...> Очень похоже на тщательно выверенную информационную спецоперацию, что подтверждается временным разрывом перед публикациями документов, а также временем их выхода в свет» [2]. Хорошо ли реорганизовывать науку в режиме спецоперации?

— Телеграм-каналы, в том числе и наш, — площадки для высказывания свободных авторских мнений, и очень часто случается так, что они не совпадают. В данном случае это мнение одного из постоянных авторов «Научно-образовательной политики».

— Я смотрел трансляцию с этого заседания Президиума. Одно из двух: или президент Сергеев — фантастический актер, или он действительно впервые про это услышал, страшно удивился и, в общем, был обескуражен. Очень непохоже на спецоперацию. Может быть, вы можете это прокомментировать?

— Я знаком с Александром Михайловичем и с большим уважением отношусь к большинству его высказываний. Убеден, что он не актер. Второе. Спецоперация — не термин с негативной коннотацией, спецоперацией могут просто называться какие-то скоординированные действия...

— Правильно ли я понял, что вы положительно относитесь к научно-организационному опыту Ковальчука и Курчатковского центра?

— Наука — постоянный путь, пробы и ошибки. Мы в целом уверены, что руководство Курчатковского института — одни из безусловных двигателей в системе российской науки. Речь идет не только о непосредственных экспериментах, исследованиях, но и об управлении этим процессом и об умении пролоббировать точку зрения, отстоять позицию.

— В том, что Михаил Валентинович — успешный лоббист, я с вами абсолютно согласен, а вот можете ли вы привести примеры успешных административных или научных решений?

— Я думаю, что это вне моей компетенции и у меня не настолько сильная экспертная позиция для того, чтобы оценивать эти решения. ▶

► Об актуальных проблемах.

3. Популяризация науки и поправки к закону «Об образовании»

— Последнее из того, что происходит сейчас, — история с поправками к закону «Об образовании», поправки о просветительской деятельности. Опять же, процитирую: «*Уже давно функционирует отлаженный механизм „разведки боем“. Как правило, вносится резонансный законопроект, замеряется реакция целевого сообщества, все политические акторы (начиная от комитета Госдумы и заканчивая министерства и Правительством) реализуют возложенные на них Системой задачи (от реализации, возложенных на них функций до игнорирования или ярого оппонирования). Затем, как правило, происходит корректировка первоначальных радикальных положений, либо законопроект вообще отзывается*» [3]. Это довольно точно описывает происходящее. В просторечии это называется вбросом. Как вам кажется, это здоровый механизм или признак того, что что-то работает не так, как должно?

— Мне не нравится термин «вброс», хотя, конечно, он уместен во многих случаях. Я бы назвал это более простым словом «измерение». Уровней и форматов измерения у нас может быть много. В нашем государстве точно так же, как и в других странах, перед принятием решения выслушиваются разные позиции, в том числе и самые критические, радикальные и полярные. В данном случае вы упомянули, что были обсуждения на каких-то публичных площадках, в СМИ, в Госдуме и т. д. Мне кажется, что это механизм, который в большей или меньшей степени присутствует каждый раз при принятии решений.

— Тем не менее, что произошло: было нулевое чтение в комитете Госдумы, где выступали люди, очень хорошо известные и уважаемые в просветительском сообществе. Все они говорили, что законопроект негодный, он будет мешать, будет воспринят крайне негативно. Тем не менее он был внесен ровно в том виде, в котором это нулевое чтение прошел. По итогам обсуждения не изменилось ничего. При этом законопроект, который, казалось бы, мало кого затрагивает, имеет уже 75 тыс. подписей «против» на change.org [4]. Этого не ожидал никто. Уже 700 человек подписались под тем, что они просто не будут выполнять такой закон, если он будет принят [5]. (По состоянию на 8 февраля — 208,8 тыс. и 1,7 тыс. соответственно. — Ред.)

Казалось бы, законопроект — вещь очень серьезная, и использовать его как способ социологического замера всё равно что забивать гвозди микроскопом. Должно ли государство так функционировать?

— Я считаю, что формат диалога перед принятием любого законопроекта в Думе давно устоялся. Всегда собираются экспертные советы, на которые приглашаются чиновники Минобрнауки и ведущие эксперты. Я сам неоднократно присутствовал на таких экспертных совещаниях. В данном случае мне очень понравилась позиция РАН, которая была официально высказана. Надеюсь, что в финальной версии законопроекта мнение ученых будет учтено.

— Позиция РАН, на самом деле, была высказана до первого чтения законопроекта. Было письмо вице-президента РАН, главы Комиссии РАН по популяризации науки Хохлова председателю профильного комитета Никонову [6]. В этот момент она учтена не была. Какие есть основания думать, что она будет учтена теперь?

— В данном случае мы все с вами на что-то надеемся.

— Правильно ли использовать внесение законопроекта как социологический инструмент?

— Иногда потормозить общественность очень полезно. Я думаю, что в данном случае речь идет не о дискуссии отдельных инициаторов законопроекта, а о размещении его текста в публичном пространстве.

О «Диссернете»

— Вернемся к ректорам, у которых проблемы с диссертациями. Вы сказали, что, с вашей точки зрения, даже если у ректора есть проблемы с неточным оформлением цитат, это не бросает тень на университет. Если во главе университета стоит человек, у которого большая часть диссертации списана, то не создает ли это большую дыру в образовательной политике — с государственной точки зрения?

— С одной стороны, ректор ведущего университета должен быть человеком с безупречной репутацией: он ведет за собой коллектив. С другой

стороны, главный критерий хорошего университета — преуспевание в реализации сотрудников, наличие благоприятных условий работы для ученых, умение преподавателей дать востребованные знания студентам, которые потом помогут им трудоустроиться. Я думаю, что главное мерило оценки ректора — развивается университет или нет. Это проявляется не сразу после назначения ректора, но это становится возможным оценить хотя бы спустя несколько месяцев. Я считаю, что если университет хорошо развивается для студентов и коллектива, если ректор — друг и партнер для сотрудников, то при обсуждении его диссертации не нужно закликиваться только на том, списана она или нет. Если бы «Диссернет» при обсуждении частично списанной диссертации отдельного ректора говорил и о его достижениях на должности (как-то: повышении зарплаты сотрудникам на 30%, открытии нескольких новых факультетов, поднятии университета в рейтингах), то был бы гораздо более прав.

— Это выходит за рамки нашей экспертизы, мы не специалисты по зарплатам сотрудникам и стипендиям студентам. «Диссернет» говорит о списанной диссертации, а вы — об успехах в научно-образовательной политике.

— Вы же не хвалите, вы только отмечаете минусы. Мы считаем, что надо все-таки действовать комплексно. Иногда бывают и хорошие вещи, которые стоит отметить.

— Почему, нет, мы очень хвалим, например, диссертационные советы, которые объективно рассматривают случаи плагиата и принимают решения об отзые степеней. Получается, ваше несогласие связано скорее с эмоциональной оценкой, нежели с содержательной стороной деятельности?

— Мы говорим о науке, где излишняя политическая ангажированность не совсем правильна. Мы считаем, что у вас слишком превалирует политическая ангажированность.

— В чем она проявляется?

— В том, что под исследования «Диссернета» попадает определенный сегмент...

— Это заблуждение. «Диссернет» делает несколько сотен экспертиз в год. Большинство решений, принятых по нашим заключениям, касается обычных профессоров. Эта абберация возникает вот почему: лишение степени Тютюкина из Тьмутараканского кулинарного университета никому не интересно. А вот если там появляется какой-то видный чиновник, общественный деятель или ректор, то это новость, про это пишут журналисты. То, что вы сказали, — что мы выбираем какой-то сегмент, — просто опровергается статистикой.

— Я сказал немножко о другом, не о сегменте по должности. Я говорю о сегменте лидеров, людей с известными фамилиями. После того как я поизучал публикации «Диссернета», мне показалось, что вы обходите стороной дружелюбных коллег, ученых из блока «Диссернета» и «Троицкого варианта».

— Не совсем точно: когда проверялись кандидаты в Мосгордуму, они проверялись сплошным ком; произошел уникальный случай в истории, когда кандидат под давлением собственной партии снял свою кандидатуру, потому что у него были проблемы с диссертацией. Это был кандидат от «Яблока». Так что единственный раз, когда «Диссернет» напрямую повлиял на политическое решение, был случай, в ваших терминах, с дружественной партией. Кроме того, чисто статистически среди действующих политиков и чиновников представителей «Яблока» не так много — куда чаще попадают члены «Единой России».

— Вы можете привести пример диссертации из большой команды уважаемого академика Хохлова, которая была вывешена на публичное обозрение в «Диссернете» как пример с некорректными заимствованиями.

— Не могу. Сотрудники академика Хохлова занимаются физикой полимеров...

— Расширенная, большая команда.

— Кого вы имеете в виду?

— Я имею в виду треть ученых России, наверное.

— Надо обрадовать Алексея Ремовича.

— Это те, кто подписывается под его идеями. Речь идет о сотнях ученых.

— Я не знаю, как их определить. Если вы дадите список команд — Хохлова, Сергеева, кого еще надо посмотреть? — мы посмотрим. Но в РАН списанных диссертаций вообще меньше, даже в общественных науках.

— Вы делаете интересное дело — рассказывать, что у кого-то списанная диссертация...

— Ничего в этом нет интересного. Это страшная ответственность, и очень тяжело всякий раз осознавать, что ломаешь человеку жизнь.

— Хорошо, что вы это понимаете. Я тоже считаю, что есть хорошие люди, которые ошиблись при подготовке диссертации.

— «Ошиблись» — это не половина списанных страниц.

— По-хорошему, представителям «Диссернета» надо выходить на конкретного человека и предупреждать, что будет публикация.

— Несколько раз пробовали, когда была надежда, что что-то получится. В единственном случае это сработало, человек сам отказался от степени: Алексей Комиссаров, он был министром правительства Москвы. Это был единственный пример достойного поступка, больше ни разу не получилось. Но с этим осторожно надо, могут обвинить в шантаже.

— Это можно делать публично.

— Публично много раз пробовали, это вообще никогда не выходит.

О Гельфанде

— Последний сюжет, не могу удержаться. Несколько раз на вашем канале говорилось, что «Диссернетом» занимаются не очень успешные ученые и вообще их диссертации тоже хорошо было бы проверить. Вот, например, про Гельфанда писали: «...Те самые двойные требования активно применяются активистами и руководителями „Диссернета“ к себе. Ровно на тех же формальных основаниях, на которых активисты строят свои обвинения, недавно попался один из лидеров „Диссернета“ Михаил Гельфанд. Доказательная база собрана большая. Только вот почему-то комментарии от „Диссернета“ не слышно» [7]. О чем речь?

— В данном случае мне кажется, что речь идет не о «Научно-образовательной политике», а о «Незыгаре», где было размещено то ли замечание ВАКа, то ли еще что-то к одной из ваших подопечных... Речь о несопадении сроков. Логика была в том, что то, что «Диссернет» обычно отмечает как нарушение, в данном случае не было отмечено.

— Я это скопировал с вашего канала. У нас действительно был ляп с протоколом заседания — с образца не были исправлены даты. Это исправили еще в феврале 2020 года, сразу же после того, как обнаружили. Я признаю, что это наша ошибка, в этом никакого секрета нет. Кстати, «Диссернет» никогда не предъявлял ни одному диссертационному совету претензий по поводу оформления протокола.

Опять вопрос о функционировании телеграм-каналов: техническая ошибка была обнаружена и тут же исправлена в феврале прошлого года; в ноябре в «Незыгаре» появилось сообщение об этой технической ошибке и одновременно в адрес диссовета вдруг пришло письмо с напоминанием об этой истории. Повашему, как факт технической переписки между диссоветом и ВАКом выскочил в телеграм-канал?

— Телеграм-каналы — это удивительное пространство, куда постоянно что-то выскакивает, в том числе и то, что, казалось бы, выскочить не должно. В данном случае я просто не знаю, как это получилось. Но у вас образ благородного рыцаря, обличающего списывающих хулиганов. В этой связи любая, мельчайшая неточность, тем более с вашими подопечными, конечно же, вызывает общественный резонанс.

— «Ключевые публичные лица „Диссернета“ являются не самыми выдающимися учеными, их рейтинг в профессиональном научном сообществе не столь высок, тем не менее, они берут на себя смелость судить людей, заслуги которых несопоставимо выше» [8]. Вот это заявление было попросту обидным.

— Вы знаете, Михаил Сергеевич, очень часто, когда говорят о лидерах, которые работают в «Диссернете», то часть из них... Вот, например, вы не только действующий ученый, но и ваши папа с дедушкой выдающиеся ученые. Но не все ваши коллеги имеют ученую степень...

— Есть четыре публичных лица «Диссернета»: Сергей Пархоменко, Андрей Заякин, Андрей Ростовцев и я. Пархоменко ни разу в жизни ни позиционировал себя как ученого, в этом смысле к нему претензий нет. Заякин был профессиональным физиком, когда занимался наукой, сейчас он журналист. Степень канд. физ.-мат. наук у него есть. Ростовцев (докт. физ.-мат. наук): насчет выдающегося не знаю, но то, что он очень хороший физик, — это медицинский факт. Ну и я, в общем, неплохой биолог. К кому из нас четырех эта претензия обращена?

— Кто из тех, кого вы перечислили, является членом РАН?

— Никто.

— Кто из тех, кого вы перечислили, является профессором?

— Ростовцев и я.

— То есть как минимум двое из тех, кого вы перечислили, не профессора и не члены РАН. Скажите, можем ли мы не профессоров и не членов РАН назвать выдающимися учеными?

— Так они вообще не объявляют себя действующими учеными, это немножко другое.

— Когда «Диссернет» пишет о своей позиции, то он не позиционирует ее как позицию, допустим, Михаила Гельфанда? Это же выдается как позиция «Диссернета». Справедливо ли тогда определенной массе экспертов делать такие заявления, если они сами говорят, что они не ученые?

— Для установления факта списывания не нужно быть ученым. Если вы кладете перед собой два текста и они на 90% совпадают, то не надо быть экспертом в предметной области, чтобы этот факт обнаружить.

— Мы же не говорим о вольных дискуссиях, мы говорим о формализованных документах.

— В вольных дискуссиях «Диссернет» всегда подчеркивал, что он не осуществляет научную экспертизу, а занимается единственной вещью: обнаружением текстовых совпадений и необъясненных заимствований. Мне вот обидно, что вы меня назвали не самым выдающимся ученым.

— Для интервью говорю, что в вашей биографии мне было приятно прочесть, что вы из хорошей семьи, и я вас всегда считал ученым.

— Давайте тогда переформулируем: в состав «Диссернета» входит некоторое количество выдающихся ученых, заслуги которых существенно выше, чем заслуги тех, кого они критикуют. Так будет лучше?

— (Смех.) То, что написано пером, не вырубишь топором, но абсолютно правильно будет, если мы хотим, чтобы в конце нашего разговора было посеяно какое-то зерно, подумать, где наши команды могут сделать что-то конструктивное вместе. Вижу, что у вас есть прекрасная наклейка сзади дисплея, посвященная популяризации науки и просветительской деятельности. Мы, как и вы, считаем, что это очень правильная, честная и важная работа. Может быть, мы не всегда смотрим на это одинаково, но ничего плохого в этом нет. В конце концов, мы можем устроить прекрасные «баттлы», которые точно привлекут внимание общественности к насущным проблемам и задачам.

— Если бы наш диалог бы публичным, а не в форме интервью, то наверняка много народу получило бы массу удовольствия.

— Так давайте это сделаем публичным. Сейчас Год науки. Мы постоянно делаем большие форумы, публичные площадки. Если абстрагироваться от конкретных задач каких-то там блоков, мы могли бы на некоторых из этих мероприятий сделать вместе с вами какие-то панельные дискуссии, какие-то разговоры, честные и жаркие споры...

— Не удержу, извините. Вы сказали: «Давайте абстрагируемся от блоков и попробуем провести открытую дискуссию». Я согласен, но вот всё, что я читаю в вашем телеграм-канале, рассматривается сквозь призму блоков: Хохлов и стоящие за ним, «Диссернет» как представитель либерального чего-то там... У вас получится абстрагироваться?

— Мы уважаем свою позицию; никто не заставляет писать ни меня, ни моих коллег. Более того, знаете, какое количество чиновников говорит нам: «Как вы можете поддерживать, например, определенную позицию Валерия Фалькова или позицию Александра Сергеева?»

— На местах есть чиновники, которые не согласны с позицией министра и прямо так об этом заявляют?

— Таких чиновников, конечно же, нет. Но, отвечая на ваш вопрос, сможем ли мы, то я считаю, что это честный труд, так что...

— Это приглашение лично мне, «Троицкому варианту» или «Диссернету»?

— Как минимум лично вам.

— Давайте попробуем.

1. t.me/scienpolicy
2. t.me/scienpolicy/14045
3. t.me/scienpolicy/14252
4. change.org/p/государственная-дума-рф-против-поправок-о-просветительской-деятельности-1e6d7a97-a61a-49b9-a7a7-80da49172ccf
5. trv-science.ru/2021/01/declaration/
6. trv-science.ru/komissiya-ran-po-populyarizacii-nauki-protiv-zakonoproekta-o-prosvetitel'skoj-deyatelnosti/
7. t.me/scienpolicy/13914
8. t.me/scienpolicy/13914

Навальный и дети

Уважаемая редакция!

У нас, дорогие коллеги, замечательный праздник — День российской науки, с чем вас всех и поздравляю! Тем более что Владимир Владимирович объявил 2021 год Годом науки и технологий, так что мы можем радоваться нашим успехам и достижениям не один день, а целый год. В особенности оттого, что высшее руководство страны признаёт важность и значимость нашей работы на благо Родины и всего человечества.

Однако, как обычно, всегда находятся неблагоприятные и недовольные, кусающие руку, которая их кормит. Вместо того чтобы молиться, чтобы не оскудела рука дающего. Свидетельством этого является недавно опубликованное на сайте моего любимого «Троицкого варианта» письмо [1], подписанное несколькими сотнями ученых, среди которых — с десяток академиков и даже один нобелевский и один нобелевско-шнобелевский лауреат. В этом письме требуется расследовать предполагаемое отравление оппозиционера Алексея Навального и осуждается насилие со стороны правоохранительных органов в отношении якобы мирных демонстрантов.

Понятное дело, эти нобелевские лауреаты давно работают за рубежом — как и некоторые академики, как и многие другие подписанты. Все эти люди, безусловно, одурманены западной пропагандой, которая рисует Россию империей зла, руководимой циничным и безжалостным чекистом. Но есть среди подписантов немало и тех, кто работает в нашей стране, и вот тут возникает вопрос: люди, до какой степени слепыми нужно быть, чтобы не видеть очевидного? А именно того, что пресловутый борец за дело демократии проходил обучение в США, нечист на руку и умело симулировал кому, введя в заблуждение российских врачей и дав пищу для оголтелой антироссийской кампании по поводу использования химического оружия для отравления мирных граждан, которая уже порядком подвыдохлась с момента инцидента со Скрипалями в Великобритании.

Этот искусный актер вместе со своими сторонниками, очевидно, ни во что не ставит благополучие российских граждан, всячески пытаясь возбудить нездоровые страсти по поводу якобы коррупции в высших эшелонах власти, попрания демократических норм и нарушения прав человека в России. У Путина, мол, роскошный дворец под Геленджиком, а у Медведева — домик для уток на озере. Используя наработки зарубежных спецслужб, эти деятели всячески пытаются вовлечь в противоправные действия наиболее несознательную и эмоционально нестойкую часть нашего населения — подростков и молодежь.

Звать несовершеннолетних, практически детей, на баррикады, подставлять их под дубинки ОМОНа и электрошокеры — это ли не верх цинизма и бесстыдства? Тем более после принятия новой Конституции, согласно которой дети — это наше всё. Я лично считаю, что совершенно правильно действуют наши власти, жестко пресекая действия поддерживающих Навального молодчиков, поскольку нельзя ставить под угрозу будущее страны из-за собственных нездоровых политических амбиций. Более того, я считаю, что дело защиты детей должно быть поставлено на более системную основу, подразумевающую учет всех наличествующих угроз и вызовов.

Безответственная и подстрекательская деятельность Навального и К° — лишь один из них. Что вы скажете, к примеру, о тех, кто отдаёт своих детей заниматься боксом или фигурным катанием? Таких, я считаю, нужно не просто сразу лишать родительских прав, а сажать в тюрьму, раз они согласны на то, чтобы их детей превратили в дебилов и инвалидов. Вообще, нужно со всей строгостью посмотреть на то, кому позволено рожать детей. Вот так вот просто разрешать это кому ни попадя — недопустимая безответственность! Ведь акт деторождения сопряжен с величайшей ответственностью за будущее страны: когда беззащитный ребенок появляется на свет, он и не подозревает, сколько существует угроз — от маньяков и извращенцев до пьяных водителей. Да и сами родители могут быть безответственными алкоголиками и наркоманами, а то и вовсе психически нездоровыми людьми. Кого такие родители способны вырастить для страны?

Почему у нас лицензируется какая-нибудь туристическая деятельность; почему те, кто хотят сесть за руль автомобиля, сдают экзамены — а право рожать детей предоставлено кому угодно? Считаю, что стоит поставить эту сферу жизни под жесткий государственный контроль. Следует выработать научно обоснованные требования к потенциальным родителям, разработать систему оценки их готовности к воспитанию детей, чтобы безжалостно отбраковывать тех, кто не наделен должной ответственностью, тех, кто имеет нездоровую сексуальную и политическую ориентацию. Вот чем нужно заняться нам, товарищи ученые, а не письмам бесплодным писать, поощряя безответственных политиканов!

Ваш Иван Экономов

1. trv-science.ru/2021/02/ostanovit-narastayushhuyu-konfrontaciyu-i-obratitsya-k-sotrudnichestvu-i-dialogu

Машинистки и их машинки

Ирина Фуфаева

Ирина Фуфаева

Изданию «Интересная Москва» попало. В комментариях к новости их называют «неграмотными малолетками», «недоучками из регионов», которых «не учат грамотности в их методичке (sic!)», «балбесами, кичащимися неграмотностью» и много, много как еще. Короче, типичный парад за чистоту языка. Такой сейчас может начаться в соцсетях, кажется, по поводу любого изменения и любой вариативности:

- Это бокал!
- Боже, откуда вы вылезли? Всем известно, что такая чашка называется кружкой!

На этот раз гнев вызвал заголовок новости: «В московских электричках появилась первая женщина-машинистка».

Лишь немногих огорчило и правда избыточное существительное женщина при феминитиве машинистка. Большинство рвало и метало по поводу самого слова машинистка, которое никак не может означать машиниста женского пола.

Ведь это слово уже использовали! Всё, оно занято навсегда. Пока существует русский язык, оно обречено обозначать женщину, быстро ударяющую под диктовку начальника по клавишам стоящей на столе штуки. В штуку вставлен лист бумаги и заправлена красящая лента.

«Победоносиков. На чем мы остановились? Машинистка Ундертон. На „Итак, товарищи...“»

Кстати, эту штуку с клавишами гневные комментаторы то и дело ошибочно именовали «печатной машинкой». Понятно почему. Слово сочетание пишущая машинка — именно так она называлась — уже почти уплыло по лингвистической Лете. Перестала быть нужной вещь — перестало использоваться название; сейчас оно закономерно забывается, путается с другим словосочетанием — печатная машина (типографское оборудование). То есть женщина, бьющая по клавишам, она же единственно возможная машинистка, по мнению тысяч комментаторов, — сама персонаж из прошлого, оставшийся только в литературе и воспоминаниях.

Давайте разберемся с идеей «Называть машиниста женского пола машинисткой неграмотно, машинистка печатает на машинке». Точнее, двумя идеями.

Первая идея: неграмотно, ибо... Ибо в официальных документах не так.

«Машинистки в поезде быть не может. Посмотрите классификатор профессий, перед тем как писать подобные статьи. Вас нельзя на пушечный выстрел к СМИ подпускать».

Мнение, что грамотность черпается в официальных документах, настолько же странное, насколько и укоренившееся. Вот уже шесть десятилетий никак не может его рассеять такая, казалось бы, популярная книга Корнея Чуковского «Живой как жизнь». Все выучили придуманное Чуковским слово канцелярит (т. е. речь, ориентирующаяся на язык документов: «Чуть выйдешь за калитку, сейчас же зеленый массив!»), но без толку.

Как это мнение размывается? С одним из источников канцелярита, похоже, мы сталкиваемся еще в семь лет. В первых числах сентября я видела фото обложки тетради, которую чья-то дочь второклассница принесла из школы. Красной ручкой там было зачеркнуто это ужасно неофициальное слово школа и его попирали красные буквы МБОУ СОШ № ...; зачеркнутое слово ученица попиралось словом учащаяся. А при изучении феминитивов мне не раз в пересказе встречалось «нет слова учительница, есть слово учитель».

В образовательной документации нет места словам школа и ученица, в трудовой книжке нет места слову учительница, в договоре купли-продажи нет слова покупательница — ну нет и нет, бюрократам и юристам виднее, возможно, это делает язык документов удобнее и однозначнее. Но язык документации — почти алгоритм, почти формулы — крайне далек от всех остальных «русских языков»¹, которыми мы пользуемся, когда пишем статьи, книги, посты в соцсетях, выступаем перед аудиторией, разговариваем с друзьями и т. д. В трудовой книжке, договоре, акте, законе, классифи-

¹ То есть стилией — «разновидностей языка, используемых в какой-либо типичной социальной ситуации — в быту, в семье, в официально-деловой сфере и т. д.»

Рис. Н. Воронцова

каторе продукции или профессий нет слова учительница (а теперь, как видим, в документах нет и школы, и ученика с ученицей), но в них нет и слов смеяться, чудесный, печаль, садик. В документах вообще нет абсолютного большинства русской лексики.

А прессе-то, конечно, школу не просто можно, а нужно называть школой, а ученицу — ученицей, если в каком-то конкретном случае не требуется официальное наименование (на обложку тетради эти слова тоже надо вернуть). Пресса вполне дружелюбна к традиционным феминитивам. Забиваю слово учительница в «Яндекс.новости» — и вижу триста тысяч материалов региональных и центральных СМИ, где оно в основном в заголовках. В медиа обычное дело — описание эмоций собеседника, героя материала или самого автора. И так далее.

Помимо прочего, специфика СМИ заставляет называть одного и того же героя или объект по-разному — есть такое стилистическое требование. Поэтому журналисту, в отличие от кадровички, даже приходится использовать любые синонимы, варианты и метафоры — скажем, названия профессии, вплоть до «повелителя крылатой машины». Вот и в коротенькой новости «Интересной Москвы» героиню называют машинисткой, девушкой, машинистом и, наконец, — официально — управляющей составом ЦППК.

Так что не давайте сбить себя с толку классификаторами, если речь не о дипломе, договоре и пр.

И тут мы встречаем идею номер два. О той самой единственно возможной машинистке. «Неграмотно, ибо уже занято». Красиво написал один комментатор: «Нельзя наполнять такие „освободившиеся“ слова новым смыслом, как старый пустой бурдюк — новым вином».

Давайте вместо ответа залезем в историю этого, а также других слов, чтобы в очередной раз убедиться, что язык только и занимается наливанием нового вина в старые мехи.

Собственно, даже акт образования слова машинистка во второй половине XIX века в какой-то мере был таким наливанием. Какникак к тому времени уже больше полутора веков в русском языке существовало слово машинист, из немецкого Maschinist. И оно — еще раз о новом вине и старых мехах — было связано с самыми разными машинами. Слово заимствовано в Петровскую эпоху как синоним заимствованного же и отдаленно родственного механик.

Потом машинистом называли театрального служащего, управляющего театральной машиной — механизмом перемещения декораций. А потом появился паровоз, но сначала — под именем паровой машины. И того, кто им управлял, снова называли машинистом. Выражение паровая машина уступило место слову паровоз, придуманному литератором и языковедом Николаем Гречем, а спустя много десятилетий и сами паровозы уступили место электровозам, — но слово машинист закрепилось за водителем поезда. Правда, в том же самом классификаторе профессий найдутся машинисты, управляющие, опять-таки, различными машинами, например экскаватором.

Всё это не помешало языку назвать машинисткой новое явление — женщин, зарабатывающих на жизнь... нет, не печатаньем на пишущей машинке, а шитьем на машинке швейной (сначала швейной машине). Вот в изданном в 1875 году фолианте под названием «Распределение жителей С.-Петербурга по промыслам, занятиям и другим родам средств существования» ругают переписчиков за допущенную небрежность: «„Стегальщик“, „закройщик“, „машинистка“ без дополнительных прибавок: у портного, в белошвейном заведении и т. д.». Но вскоре в жизнь входит уже пишущая машина. Самая первая — «Ремингтон № 1». Да-да, тоже машина, а не машинка.

«— Сидеть в душевной комнате, — проговорил я, — переписывать, соперничать с пишущей машиной для человека моих лет стыдно и оскорбительно» [А.П. Чехов. Моя жизнь (1896)].

И от этой новой машины почти сразу, уже в 90-е годы позапрошлого века, образуется новая машинистка, «машинистка-2». Как насчет старых мехов и нового вина? Кстати, это изобретение стало важнейшим шагом к эмансипации: нашлась трудовая ниша для всех образованных девушек — выпускниц гимназий, например. Незамужние женщины смогли жить хоть и скромно, но самостоятельно.

И появление в XXI веке уже «машинистки-3», после отмены запрета на работу женщин машинистами электропоездов и приходом их в метро и пригородные поезда, выглядит на этом фоне логичным продолжением.

Каплю знаменательного словообразования: лишь «машинистка-3» — стандартный парный феминитив от существительного мужского рода с суффиксом -ка. А машинистка 'швей' и машинистка 'печатальщица', по сути, феминитивы непарные и образованы напрямую от существительного машина, получается, со сложным производным суффиксом -истка.

...История со словом машинистка, да и машинист, не уникальна. Слова собираются заново из одних и тех же кусочков, иные — неоднократно. В XVII веке горельник — тот, кто сжигает себя, не желая подчиняться никоновским «бесовским» церковным реформам, а сейчас — лес после пожара. Задница в русском средневековье — наследство, а сейчас — совсем не то...

Так что, конечно, жаль, что машинистка, виртуозно строчащая на «Эрике» («Машинка „Эрика“ берет четыре копии...»), похоже, разделяет судьбу старинного театрального машиниста, но «освободившимся» словам действительно трудно удержать старое значение, если его не поддерживает жизнь. Правда, можно хранить их в памяти... или специальном словаре. ♦

Откуда берутся учителя?

Леонид Перлов,
учитель, почетный работник общего образования РФ (г. Москва)

Почему люди становятся учителями? И остаются ими, несмотря на огромное количество вполне реальных демотивирующих факторов, в том числе обвинения в сервильности и перманентную травлю со стороны широких родительских масс?

Почти полвека назад я решал этот вопрос для себя. И совсем не в пользу учительской профессии. Будучи весьма начитанным подростком (уже проглотил книги Майн Рида, Фенимора Купера, Владимира Обручева, Михаила Пришвина, Жюль Верна, Джека Лондона и других), лично я видел себя в недалеком будущем суровым геологом. Таким, знаете ли, в кирзовых сапогах, обросшим бородой и, разумеется, с рюкзаком за спиной и молотком на длинной ручке наперевес.

С геологическим факультетом МГУ, увы, ничего не вышло: зрение уже тогда оставляло желать лучшего, так что поступать пришлось на географо-биологический факультет МГПИ, благо кафедра геологии и геохимии ландшафта там имела. Впрочем, магистральная линия жизни не изменилась, так что на этой кафедре я устроился работать прямо с первого курса. И продолжал этим заниматься практически все студенческие годы. И еще много чем после нее, включая службу в армии и работу в Российском и Центральном советах по туризму и экскурсиям, пока эти организации не приказали долго жить, а сам я не оказался перед непростым выбором: а что, собственно, делать дальше? С геологией к тому времени мои пути далеко разошлись, зато семейных обязанностей заметно прибавилось, в том числе, разумеется, и финансовых.

Опыт работы в школе у меня к тому времени был, хотя и небольшой — около четырех лет, как раз между армией и работой в Россовете по туризму. Диплом учителя географии также имелся, равно как и порядочное количество вакансий в московских школах. Так что оставалось просто принять решение — вернуться в школу и работать, что я и сделал. Собственно, именно с этого времени, с 1989 года, и следует отсчитывать мою учительскую биографию. Предыдущий четырехлетний период не в счет — ничего сколько-нибудь стоящего я в то время как учитель из себя не представлял.

Длинноватое получилось вступление. Если его выразить покороче, получится так: **учителем я становиться не собирался и стал им не по призванию или велению сердца, а потому, что так сложилась жизнь.**

Жизнь оказалась совершенно права. Я получил невероятно интересную работу в сочетании с настоятельной необходимостью постоянно учиться, доучиваться и переучиваться, чтобы сохранять профессиональный уровень и одновременно соответствовать ожиданиям и потребностям своих учеников. Последнее особенно важно, поскольку в силу возраста сами они, как правило, потребности свои сформулировать не в состоянии, а то, что предлагается родителями, детей сплошь и рядом не увлекает...

Современная школа, в сравнении со школой советской, по количеству критических замечаний в ее адрес уступает, пожалуй, только колбасе по 2 руб. 20 коп. и текущим достижениям в области освоения космоса. По весьма распространенному в обществе мнению, главным фактором, определяющим ее бедственное состояние, является принципиальное отличие нынешнего учительского корпуса от блаженной памяти советского. Советский учитель был подвижником, пришедшим в школу по призванию, мечтавшим об этом с детства и безразличным к материальной стороне жизни и собственным интересам. На смену ему объявился учитель-чиновник и, совсем недавно, учитель — работник сферы услуг.

Точнее, возник какой-то удивительный гибрид: учитель — это чиновник-бюджетник, полностью зависимый от работодателя-государства, и одновременно он работник сферы услуг, обязанный беспрекословно выполнять все капризы заказчика-родителя, вне зависимости от собственных взглядов на педагогику как таковую и проблемы конкретного ребенка. Да к тому же еще и капризный, истеричный, постоянно недовольный своей зарплатой и необходимостью ее оправдывать под неусыпным контролем надзорных органов.

По умолчанию считается, что без этого контроля работать учитель моментально перестанет и будет халтурить и бездельничать, обманывая как государство-работодателя, так и родителей. Ну и конечно, человек он совершенно беспринципный, главный виновник и исполнитель массовых фальсификаций на выборах любого уровня...

предложил варианты ответа. Ну, чтобы пожелавшим ответить не пришлось тратить время на формулировки. Всего четыре варианта, включающих множество оттенков.

1. Мечтал (мечтала) с детства;
2. Других вариантов не было;
3. Семейная традиция;
4. Случайно; так сложилась жизнь.

За сутки совершенно неожиданно для себя получил больше ста ответов. Многие, как и было предложено, просто в виде номера варианта, а другие — достаточно подробные, с описанием причин и обстоятельств профессионального выбора. И каких ответов! Не буду называть фамилии, но прошу поверить на слово: в учительской среде они не просто хорошо известны, но пользуются полным и безусловным уважением, причем вполне заслуженно. Да и информированные родители на эти фамилии «клюют» сразу, как рыба на добычливую блесну.

институт вслед за любимой девушкой/ любимым парнем. Или еще интересный вариант: так сильно не повезло с учителями в школе, что ученик (ученица) решает вырасти и сделать эту работу как нужно. «У меня были настолько неприятные учителя в школе, что мы всей октябрятской звездочкой, а потом пионерским звеном собирались пойти в учителя, чтобы показать им, как надо». Не единичный, увы, случай.

А один респондент вообще признался, что его «взяли на слабо». Школьник, увлекавшийся журналистикой, критиковал школу, в которой учился. Директриса заявила, что критиковать все горазды, а работать в школу никто идти не собирается. Школьник, в будущем прекрасный учитель истории, заявил: «А я пойду!» И пошел. И главное, остался в школе.

Педагогика, вообще, занятие небезопасное. В ответах, устных и письменных, неоднократно прозвучало слово «затягивает». В первый раз это слово в приложении к педагогике услышал от бывшего ученика. Этот неординарный парень получил диплом вполне уважаемого технического вуза, продемонстрировал его родителям — и отправился учиться театальному искусству. Что ему, ныне артисту одного из популярнейших в Москве театров, замечательно удалось. Но этим дело не кончилось. Несколькими годами назад встретились с ним

в фойе того самого театра, за чашкой кофе. И тут бывший школьник, дипломированный инженер и успешный театральный актер сообщил, что придумал школу сценического мастерства, открытую для всех желающих. Я, помнится, поинтересовался, как он, в своем лицейском прошлом отнюдь не любимец многих учителей, чувствует себя в роли педагога. Вот тогда и прозвучало это слово — «затягивает». И затянуло. В школу его теперь не вдруг попадешь, от желающих нет отбоя, а ее создатель и руководитель нашел себя в роли педагога, чего от него не ожидал абсолютно никто, в том числе и я.

И таких «затянутых», ни в детстве, ни в юности об учительской работе не помышлявших, оказалось предостаточно. Поступает человек в педагогический институт с твердым намерением никогда не работать в школе (вот примерно как я), а жизнь его всё равно так или иначе туда приводит. Бывает, впрочем, и наоборот. Дипломированный экономист, специалист в области IT или инженер-технолог, с приличной зарплатой и карьерной перспективой, вдруг обнаруживает, что на самом деле он — учитель. Просто не догадывался об этом, пока жизнь не повернула в нужную сторону. Например, внезапно лишив его этой зарплаты по причине банкротства предприятия. Или даже просто тихонько подсунув возможность попробовать себя на учительском поприще, которое, как выясняется позже, затягивает. И всё, обратной дороги нет.

Леонид Перлов

Оказалось также, что учительство в определенной степени профессия самовоспроизводящаяся. В ответах молодых педагогов не раз и не два прозвучало: в выборе профессии сыграл решающую роль пример их собственных учителей. Как правило, этот фактор срабатывал уже в старшей школе, в отличие от противоположного — крайне неудачного общения с учителями в начальной школе. Один из таких ответов: «Ну, у меня всё просто: я учился в лицее и, глядя на своих учителей, подумал: „Как же это круто! Я тоже так хочу!“».

На третьем месте по числу ответов оказалась «семейная традиция»: всего человек пять из сотни, причем один из респондентов отсчитывает эту традицию с начала прошлого века. «У меня, как ты понимаешь, вариант № 3. Семь поколений педагогов как-то обязывают... И еще была идея: закончить наконец то, что не удалось двум предыдущим поколениям, — геофак!»

Ну и довольно часто в качестве мотивирующих факторов указывались сразу два, а то и три. Например, так: «3 + 4, реально сильно повлияло участие в коммунарском движении в старшей школе. Много работали с детьми, проводили ролевые игры. Практически в 10-м классе решил идти в пед». Замечательный вариант оказался у учительницы из той самой октябрятской звездочки: оказались задействованы, так или иначе, все четыре главных фактора!

А как же призвание и детские мечты? Тоже, конечно, случаются. Вот только в разы реже. Складывается впечатление, что мечты эти еще в начальной школе исчезают под воздействием суровой школьной реальности в лице, главным образом, тех же учителей, которым захотелось показать, как нужно работать с детьми.

Что же в конечном счете получилось? А получилось интересно. Оказывается, не столь уж велика роль призвания в нашей профессии. Я бы сказал, что дело вообще не в нем. Конечно, обществу весьма удобно придерживаться этого стереотипа, поскольку он позволяет получить, казалось бы, максимальный результат при минимальных издержках. Учителю можно не платить, учителя можно третировать и оскорблять — он куда из школы не уйдет, поскольку не мыслит себя ни в какой другой роли. А что результаты работы учителя нередко впечатляют, так это дополнительное основание для того, чтобы его держать в роли низкооплачиваемого работника сферы услуг и безропотно исполнителя начальственной воли. Во всех провалах и неудачах образовательных реформ виноватыми оказываются только и исключительно сами учителя.

Повторюсь: коллеги, которые сочли возможным мне ответить, — это не просто учителя, но в большинстве своем профессиональная элита, мечта любой школы, независимо от возраста и стажа. И в школе они при этом оказались не по призванию, а в силу жизненных обстоятельств. Просто это люди, которые не умеют работать плохо и формально, и если жизнь определила их в учителя, эту работу они делают так, как делали бы, сложилась жизнь иначе, любую другую, — с умом, сердцем и огромными знаниями, которые постоянно пополняют.

Любого из них можно представить себе замечательным врачом или прекрасным экономистом, талантливым инженером или программистом высокого уровня. Просто так распорядилась жизнь. Ну и немножко того, о чем Луи Армстронг когда-то сказал: «Хороший джаз — такой, в котором есть ЭТО. В плохом — этого нет». ♦

Рис. М. Смагина

За десятилетия работы в школе у меня сформировался, разумеется, достаточно обширный круг профессиональных знакомств, причем не только узкопредметных. Предмет не столь важен — важна мотивация, побуждавшая человека стать учителем и оставаться им, несмотря на неизбежно сопутствующее этому безденежье, семейные проблемы, круглосуточную занятость и прочие сложности, в том числе чрезвычайно низкий социальный престиж профессии.

Если следовать «теории призвания», учителя старшего поколения попадали в школу исключительно по этой причине, потому и работали замечательно, вне зависимости от жизненных, политических и прочих обстоятельств. Нынешние же молодые коллеги, пришедшие им на смену в силу естественных причин, этого самого призвания в большинстве своем не имеют, а учителями становятся в основном по причине доступности профессии. Конкурсы в педвузы, в сравнении с иными, смешные, требования к поступающим — несерьезные, а последующее трудоустройство гарантировано, поскольку учителей хронически не хватает. Что не удивительно, учитывая вышеназванные, сопутствующие этой профессии стороны жизни.

Задавшемуся вопросом, я обзвонил нескольких коллег разного возраста и педагогического стажа, а затем взял да и запустил всё это в «Фейсбук». Сформулировал свой вопрос по возможности просто: что именно привело человека в учителя? И даже

Наряду с мэтрами, в основном возрастного диапазона 50–70 лет, на вопрос-просьбу откликнулись, причем во множестве, бывшие ученики, ныне те самые учителя современной генерации, в возрасте 25–40 лет. Их педагогический стаж невелик и нарабатывался уже в условиях постсоветской России, однако результаты работы впечатляют и заставляют вспомнить о собственных, весьма скромных, успехах в начале учительской карьеры.

Результат, признаться, сильно удивил. Независимо от возрастной категории, педагогического стажа, а также наличия или отсутствия почетных званий, примерно три четверти ответивших коллег оказались в профессии случайно. В том числе и большинство как заслуженных учителей старшего возраста, так и молодых коллег, победителей конкурса «Учитель года». Кое-кто даже не просто случайно, а вопреки детским представлениям о собственном будущем. Вот ответ учительницы «среднего» поколения, возрастного диапазона 30–50: «Мама была моим учителем и классным руководителем, поэтому знакомка школьной жизни мне была известна. Школа — это то, чего я никогда не хотела. Мой вариант ответа — 4». Что не помешало учительской дочке в дальнейшем самой стать отличным учителем-словесником.

Попутно обнаружили мотивационные факторы, моим коротким перечнем не предусмотренные. Например, человек отправляется в педагогический

«Смысл человеческой жизни давно и бесспорно определен»

28 января 2021 года исполнилось 65 лет историку, поисковику захоронений ГУЛАГа Юрию Дмитриеву, уже четыре года находящемуся в СИЗО-1 города Петрозаводска. В день рождения Юрия Алексеевича вышла «Новая книга о Хоттабыче», составленная из поздравлений родных, друзей, коллег историка, а также стихов и рассказов известных поэтов и писателей: Марины Бородинской, Сергея Гандлевского, Юлия Гуголева, Людмилы Улицкой и Виктора Шендеровича. Публикуем интервью Юрия Алексеевича с **Наталией Деминой**, составленное по их переписке через Zonatelecom-письмо (подобное ФСИН-письму). В книге была опубликована сокращенная версия этого диалога.

— Дорогой Юрий Алексеевич, хочу в письме задать вам несколько вопросов. Если бы вы были как бы и не вы, а кто-то посторонний, то что бы вы себе на день рождения пожелали? «Дорогой Юрий Алексеевич, желаю тебе...»

— Терпения и довести любое дело до конца, и как можно лучше. Таких дел у меня сейчас два. Одно из них — две книги, которые надо успеть довести до ума: о спецпереселенцах (почти готова) и о строительстве Беломорско-Балтийского канала и Беломорско-Балтийского комбината НКВД. В этих книгах упоминаются сотни тысяч людей. Это важно для меня — вернуть их имена потомкам.

— Есть ли у вас жизненный девиз? — Девиз незатейливый: «Лучше быть, чем казаться».

— Каких поэтов и писателей вы любите?

— Как ни странно, это поэты Серебряного века. Еще Константин Симонов (военная лирика), Роберт Рождественский (не всё); Георгий Кикинов, наш карельский поэт. Частично — Сергей Есенин и Николай Клюев. Писатели — Антон Чехов, опять же Симонов; публицист — Илья Эренбург. Из более-менее современного — Владимир Санин. Это далеко не всё.

О книгах и писателях могу рассуждать долго. В разные периоды были разные писатели. Но вот книги, которые не под настроение, а на века: «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова, Ярослав Гашек с «Бравым солдатом Швейком», Александр Дюма с «Тремя мушкетерами», Джером

К. Джером с его лодкой и экипажем. А «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо?.. Вначале мне нравились книги, которые меня развивали, а затем стали нравиться те, которые учат.

— Какие фильмы вам нравятся?

— В последние годы я полюбил документальные и учебно-познавательные фильмы. А художественные смотрел в детстве и до 30 лет. Потом — жизнь завертела. Редко в кино ходил. Но тематические видел — «Холодное лето 1953-го» и «Остров». «Холодное лето» снимали в Карелии, в том числе в Кудаме, в поселке, где жили Катыкины бабушка и дедушка. А «Остров» снимался на месте Кемского пересыльного пункта СЛОНа (Соловецкого лагеря принудительных работ особого назначения) в городе Кемь. Кочегарка — здание бывшего ШИЗО Кемперпункта. Я в тех местах раза два в году бываю. По пути на Соловки и обратно.

— Какое качество вы больше всего цените в мужчинах и в женщинах? — В мужчинах — мужество и доброту. В женщинах — добросердечность и рассудительность.

— Есть ли какой-то мужчина-герой, которым вы восхищаетесь? А героиня? — Герой — образ скорее собирательный. Героиня — мать Тереза, Варвара

Обложка книги. Фото Анны Артемьевой/«Новая газета»

Брусилова (тоже собирательный образ). Пойми, героизм — ответная реакция общества (или его представителей) на чье-то раздолбайство. Часто героизм смертельно опасен. А я за то, чтобы и без героизма всё было хорошо!

— Поняли ли вы, в чем смысл человеческой жизни?

— Смысл человеческой жизни давно и бесспорно определен так: соединение с Богом. А вот путь, которым каждый из нас идет к Нему, определяется сугубо индивидуально. Мы проходим через череду жизней, в каждой из которых открываем и доводим до совершенства некоторые качества души, требующие корректировки или дополнительного развития. Путь этот долгий — с решением различных задач.

Я думаю, что нынешняя моя жизнь — это процесс осознания душой нашей важности, ответственности перед своими предками за то, что мы из их опыта сохранили и приумножили. И оставили своим потомкам. Это моральные ценности. Важность ощущения себя частью своего рода, того, что ты ответствен за его благополучие. ♦

Подписка на «Троицкий вариант — Наука» (газета выходит один раз в две недели)

Подписка (trv-science.ru/subscribe) осуществляется ТОЛЬКО через редакцию (с Почтой России на эту тему мы не сотрудничаем). Подписку можно оформить начиная с любого номера, но только до конца любого полугодия (до 1 июля 2020 года; до 1 января 2021 года и т.д.). Стоимость подписки на год для частных лиц — **1 200 руб.** (через наш интернет-магазин trv-science.ru/product/rodpiska — **1 380 руб.**), на полугодие — **600 руб.** (через интернет-магазин — **690 руб.**), на другие временные отрезки — пропорционально длине подписного периода. Для организаций стоимость подписки на **10%** выше. Доставка газеты осуществляется по почте простой бандеролью. Подписавшись на **5 и более** экземпляров, доставляемых на один адрес, вы сэкономите до **20%** (этой возможности нет при подписке через интернет-магазин). Все газеты будут отправлены вам в одном конверте. Речь идет о доставке по России, за ее пределы доставка осуществляется по индивидуальным договоренностям. Но зарубежная подписка, как показывает практика, тоже возможна. Газеты в Великобританию, Германию, Францию, Израиль доходят за 2–4 недели.

В связи с очередными техническими трудностями, обеспеченными нам государством, система оплаты подписки изменилась.

1. Если в банковском переводе от физического лица на наш счет в Сбербанке будет упомянуто слово «подписка», то мы будем вынуждены вернуть деньги плательщику, объяснив перевод ошибочным.

2. Однако если вы переведете на наш счет некую сумму (например, 600 или 1200 руб.) и сделаете пометку в назначении платежа «**Адресное благотворительное пожертвование на уставную деятельность**», то мы обязательно отблагодарим вас полугодием или годовым комплектом газет «Троицкий вариант — Наука». Но не забудьте при этом указать адрес, по которому вы хотите получить наш подарок!

3. При переводе со счета юридического лица на счет АНО «Троицкий вариант» ограничений нет.

Оплатить подписку можно

1. «Адресное благотворительное пожертвование на уставную деятельность» можно произвести банковским переводом на наш счет в Сбербанке: заполнив квитанцию или используя наши реквизиты. Сам процесс перевода адресного пожертвования можно осуществить из любого банка, со своей банковской карты, используя системы интернет-банкинга.

2. Используя системы электронного перевода денег с вышеуказанной формулировкой или простым пополнением кошелька на счет Яндекс-денегги № **410011649625941**

3. Воспользовавшись услугами интернет-магазина ТрВ-Наука (trv-science.ru/product/rodpiska). Стоимость подписки через интернет-магазин немного выше, но некоторым подписчикам такая форма оплаты покажется более удобной.

Переведя деньги, необходимо сообщить об этом факте по адресам miily@yandex.ru или rodpiska@trv-science.ru.

Кроме того, необходимо указать **полные ФИО человека, оказавшего поддержку, и его точный адрес с индексом**. Мы будем очень благодарны, если к письму будет приложен скан квитанции или электронное извещение о переводе. Редакция старается извещать КАЖДОГО написавшего ей партнера о факте заключения нашего неформального договора о сотрудничестве.

Высылать заполненный бланк подписки вместе с копией квитанции об оплате **НЕ НАДО**, особенно если получено электронное извещение о получении адресной поддержки.

Для жителей Троицка действуют все схемы дистанционной подписки и адресной поддержки. Стоимость подписки — **800 руб.** на год, **400 руб.** на полгода. Для организационных подписчиков стоимость подписки на **10%** выше.

Приглашаем тех, кто уже не может представить свою жизнь без актуальной информации о науке и образовании в России, подписаться на «Троицкий вариант»!

Почтовое отделение 108840, г. Троицк, Москва, Сиреневый бульвар, 15 — партнер газеты «Троицкий вариант — Наука»

ИЗ ЗАЛА СУДА

Следить за судебной эпопеей дела Юрия Дмитриева становится непросто: суды разных инстанций следуют один за другим, всё сильнее приближая ситуацию к кафкианскому абсурду. Но всё же предстоящее судебное заседание — особое. Не будем прогнозировать его результат; однако дело впервые будет рассмотрено за пределами Карелии, где «непреходимость» любого решения в пользу Дмитриева уже слишком очевидна. В преддверии заседания — несколько слов о нем самом и о том, что ему предшествовало.

16 февраля 2021 года Третий кассационный суд в Санкт-Петербурге рассмотрит кассационную жалобу на апелляционный приговор, вынесенный Дмитриеву 29 сентября 2020 года Верховным судом Республики Карелия. Заседание начнется в 11:15, на рассмотрение жалобы в расписании суда отведено всего 45 минут. Вести рассмотрение будет Сергей Жернов, судья по уголовным делам. Как и все слушания по делу, это заседание будет закрытым, кроме того, из-за эпидемических ограничений в суд будут допущены только непосредственные участники процесса. То есть в нашем случае — только адвокат Виктор Ануфриев. Сам Дмитриев будет участвовать в заседании по видеосвязи. За 45 минут судьба историка, так много писавшего о судьбах других людей, исковерканной репрессивной машиной, может сильно измениться. Или остаться прежней, за вычетом еще одного шанса на справедливость.

На настоящий момент Юрий Дмитриев признан виновным по ст. 132, ч. 4, п. 6 УК РФ и приговорен к 13 годам лишения свободы с отбыванием срока в колонии строгого режима. Обвинения по другим статьям (ст. 135

Юрий Дмитриев в жерновах судебной машины

Ирина Галкова, Международный «Мемориал»

и 135, ч. 3; 222, ч. 1; 242, ч. 2) были отправлены на новое (третье по счету!) рассмотрение в городской суд Петрозаводска. На кассацию 16 февраля вынесена только часть решения — обвинительный приговор, вступивший в силу. Будет ли рассмотрена вторая половина приговора (отправка части дела на пересмотр, который по факту уже начат), зависит от решения судьи.

Этот странный двухчастный приговор, адекватность которого и будет устанавливать Третий кассационный суд общей юрисдикции, был вынесен в ходе апелляционного пересмотра дела. Детали и обстоятельства этого пересмотра, по логике, должны стать веским доводом для отмены судебного решения, которое вернее было бы назвать бессудным. В ходе слушаний Юрий Дмитриев был лишен не только квалифицированной защиты, но и возможности защитить себя самостоятельно. Его адвокат Виктор Ануфриев ходатайствовал о переносе слушаний на несколько дней из-за своей болезни, но суд не пошел ему навстречу, а вместо этого назначил нового адвоката — Артёма Чер-

касова. Новый защитник, не имея возможности вникнуть в детали дела (на изучение 19 томов у него было всего три дня), не встретившись со своим подзащитным, ничего не противопоставил агрессивной тактике суда и лишь создал внешнюю видимость защиты.

Сам Дмитриев, несмотря на ходатайства о своем личном присутствии в зале заседаний, не был туда допущен. Слышимость по удаленной связи была такой, что половину слов он не смог разобрать (особенно учитывая диагностированное у него позже ослабление слуха на 25%), а за каждое уточнение вопроса председатель судейской коллегии Алла Раць угрожала вовсе отстранить его от участия в заседании. Молниеносно — за четыре дня, без согласования с защитой экспертной организации и состава специалистов — была произведена новая экспертиза фигурирующих в деле фотографий. В таком режиме Верховный суд за два заседания отменил приговор, вынесенный городским судом после полутора лет тщательного изучения дела с опросом десятков свидетелей и экспертов.

Напомним, что полгода назад, в июле 2020 года, городской суд Петрозаводска вынес свой вердикт по делу Дмитриева. Историк был признан **невиновным** по трем статьям обвинения: в совершении развратных действий (ст. 135 и 135, ч. 3), изготовлении порнографии (242, ч. 2), незаконном хранении оружия (222, ч. 1); **виновным** — в совершении действий сексуального характера (ст. 132, ч. 4, п. 6), с сокращением срока наказания ниже установленного для этой статьи порога. Из полагавшегося ему по приговору срока — три с половиной года — Дмитриеву оставалось досидеть четыре месяца. Такое решение было всеми воспринято как скрытая форма оправдания, ставшая в последнее время обычной в практике российских судов по политическим делам. Если бы не чудовищный, опрокинувший всю работу городского суда апелляционный приговор Верховного суда Карелии, то Дмитриев уже три месяца назад вышел бы на свободу. Сентябрьский приговор ВС Карелии необычен не только теми методами, которыми действовали обвинители и судьи, но и своей неслыханной жестокостью (срок увеличен почти в четыре раза), а также абсурдностью: третий пересмотр дела, на который отправлены обвинения с отмененным оправдательным приговором, ясно дает понять, что в судебной системе Карелии обнаружился нештучный сбой.

Теперь дело Юрия Дмитриева будет рассмотрено в Санкт-Петербурге — хочется верить, что рычаги давления на суд, которые действовали в Петрозаводске, здесь не будут иметь силы. Конечно, и в этом случае нет никаких гарантий, что суд отнесется к делу с должной беспристрастностью, с вниманием к представленным на рассмотрение материалам, но надежда на это всё же есть. ♦

«Троицкий вариант»

Учредитель — ООО «Трoвaнт»

Главный редактор — **Б. Е. Штерн**

Зам. главного редактора — **Илья Мирмов, Михаил Гельфанд**

Выпускающий редактор — **Наталия Демина**

Редаксовет: **Юрий Баевский, Максим Борисов, Наталия Демина,**

Алексей Иванов, Андрей Калинин, Алексей Огнёв, Андрей Цатурян

Верстка — **Глеб Позднев**. Корректура — **Мария Янбулат**

Адрес редакции и издательства: 142191, г. Москва, г. Троицк., м-н «В», д. 52;

телефон: +7 910 432 3200 (с 10 до 18), e-mail: info@trv-science.ru, интернет-сайт: trv-science.ru.

Использование материалов газеты «Троицкий вариант» возможно только при указании ссылки на источник публикации.

Газета зарегистрирована 19.09.2008 в Московском территориальном управлении Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций ПИ № ФС77-33719.

Тираж 2000 экз. Подписано в печать 08.02.2021, по графику 16:00, фактически — 16:00.

Отпечатано в типографии ООО «ВМФ-Принт». 127247, г. Москва, Дмитровское шоссе, д. 100.

Заказ №

© «Троицкий вариант»